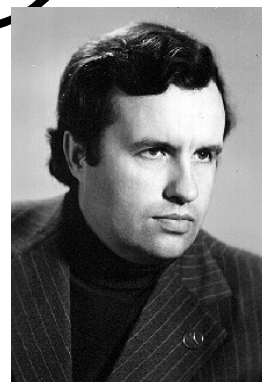

№ 15
Май 2000 Г.

УХТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ

Валерий Жуков

НОВЕЛЛЫ ОТ АВИАЦИИ

КОЛОНКА ПИСАТЕЛЯ

Верлен: “Всё прочее – литература”

Если говорить об ухтинской литературе, как о нечто целом, как много говорят о московской, сибирской и т.д., то это свершившийся факт.

Обязательные приметы достойной литературы – в первую очередь многообразии жанров.

Поэзия есть, фантастика, юмор, проза в таких мастерах: А.Рекемчук, А.Знаменский, В.Журавлев-Печорский, начинавшие в Ухте С.Довлатов, Остап Вишня, затем Б.Тарбаев, Б.Шахов, Н.Володарский, А.Журавлев.

Ухтинская литература с подобными именами – эпигонская литература? Что за несуразный вопрос?

Хорошее произведение просится в песню, в фильм, а это у нас есть. “Молодо-зелено”, “Время летних отпусков” – фильмы, прославившие Ухту. Какой еще город в республике может похвастаться этим?

Второй состав менее именит (совсем не знаменит), но на это есть независимые от авторов причины. Ситуация о признании в высшей степени забавная, отсюда и различные толкования. Как говорится, за одно и то же можно наградить, а можно и расстрелять, если как на это посмотреть. За творчество Игоря Терновского можно дать Нобелевскую премию, а можно, сами понимаете... Это на заметку СП Республики о том, как важно владеть ситуацией в литературном процессе.

Ухтинская литература исповедует единство, тождество красоты и добра, любовь, есть уровень вкуса. Пишем душой, значит, чему-то учит, значит, задает примеры. Глядишь, она перельется через край, и у читателя появится не только интерес к ней, но и пристрастие. Есть все предпосылки.

А когда-то ухтинская литература заявит о себе как школа, это дело времени, количества и качества литературы, т.е. станет явлением. Школа предполагает стили, направления, тенденции, приоритеты. Тем не менее, ребенок родился. Что-то у нас уже есть, другое намечается, а для этого надо немного – печататься, а при нынешних возможностях оргтехники и настоящих меценатов появился свет в конце туннеля.

Вот на авансцену выступила новелла в исполнении Валерия Жукова. Интересный жанр литературы, имеющий древнее корни, чем рассказ, повесть, роман.

Нет ближе жанра к жизни, чем новелла. Фантастика – дальше всего от нее.

Начало новеллы, ее расцвет – эпоха Возрождения: Бокаччо “Декамерон”, Саккетти “Новеллы”, Маргарита Наваррская “Гептамерон”.

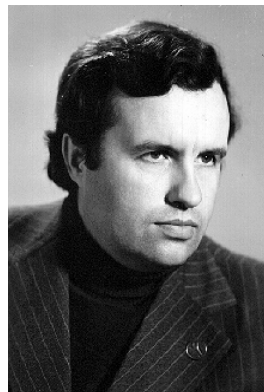
Вершина – это новеллы Стефана Цвейга “Звездные часы человечества”.

А заката не предвидится, не дождетесь, господа хорошие, судя по новеллам Валерия Жукова.

Алексей МИЛЬКОВ

Валерий ЖУКОВ

ЛЕТАЮЩИЙ МОНТАЖНИК

Когда у Белоноса не получилось на Пеленере, в отряде не поверили. Столько монтажей за плечами, да еще каких – и ляпсус? Ведь почти не было серьезных неприятностей...

Подъемы длинномеров способом поворота экипажи освоили, успевали даже за день на трассе ЛЭП-500 под Хабаровском выставить с десяток опор. Но именно там, в заамурских болотах, когда вертолет уже вытянул П-образную конструкцию на вертикаль, строп оборвался. Всего один-то из четырех и лопнул, но Белонос, не промедлив, успел нажать кнопку сброса подвески, хотя можно было поддержать опору, и, значит, спасти работу. Никто не считал, что Саша струсил, испугался. Конечно, его не упрекали, вертолетчики знают, как может ударить обессилевший трос. Словно срывая злость, зигзанет по лопастям винта или даже по фюзеляжу... Не забыли в отряде последний рейс Русинова: “десятка” уже укладывала рядом с буровой привезенную емкость-стокубовку, когда стальная, сорвавшаяся с крепежных петель, струна жиганула по борту вертолета, опоясала, вспарывая дюралевую кожу. Трос разбил остекление – Юра погиб прямо в командирском кресле, успев увидеть через разлетевшийся блистер свою смерть.

А тут, на Пеленере, снова сброс. Кроме оплошности или наоборот, предосторожности пилота ничего опасного при разборе полетов с внешней подвеской не выделяли, а тут?

Сброс, уже второй. Оба – у Белоноса.

Что же произошло с установкой ретранслятора на уральской вершине?

Устинов сидел в методическом классе с командным составом отряда, слушая фонограмму переговоров экипажа, уронившего мачту. Пленку самописца прокручивали уже трижды, пытаясь уловить что-то непривычное, неожиданное в действиях пилотов.

– Трос в центре кольца! – подсказывал радист.

– Понял! – реакция Белоноса.

– Груз над местом! Трос нормально!

– Понял! Ставим! – как показалось Устинову, командир экипажа вел связь почти равнодушно. И чего волноваться? Мачта как мачта, ставили такие и на

Украине, и в Казахстане – набирали кубиками вышки в сотни метров...

Радист отсчитывал расстояние спокойно, будто лениво. Повода нервничать, выходит, не было ни у кого?

– Груз точно над местом!.. Можно чуть вниз, командир!

– Ставим, ставим! – Белонос как отмахнулся. Не мешай, мол, вижу и сам.

– Тросы провисли! Груз – в порядке! – в радисте почувствовалось облегчение.

– Подожди, подвину... – отозвался командир.

– А зачем? – подумал Устинов – Ведь мачта встала, зачем двигать ее? По привычке глянул на стрелки “командирских” – на подъем ушло всего сорок семь секунд. Молоде-ец! В отряде лишь несколько человек обходятся минутой на таких подъемах как Белонос...

– Левый!.. – заторопился вдруг радист, не договаривая.

– Почему? Что значит – левый? Это – пятьдесят первая секунда! – отметил Устинов. Тут же в динамике раздался тревожно пугающий вопль:

– Сбро-о-ос!

Мнения разделились. Повода нервничать, похоже, ни у кого не было в экипаже. Это – раз. Причина происшествия ясна как дважды два – трос! Ну, подвел стальнюшка, и все-е! Поскольку он, как и вся конструкция мачты, принадлежит заказчику, то и вину, убытки, следует отнести на трест “Запсибэнергосетьстрой”.

Большинство понимающе переглянулось.

Устинов повертел шариковую ручку, ставя ее вертком на ладонь и разглядывая, как она покачивается перед падением.

– Что сам скажешь, Белонос? – решил подвести черту командир отряда Смальцов, откидывая крупную лысеющую голову со скептическим, то ли сомневающимся, то ли определившимся уже взглядом.

Замедленно поднимаясь, Белонос шумно вдохнул, и стало видно как подтянутый, покрасневший до огненной рыжести, пилот, недавно получивший знак “отличник Аэрофлота” за строительство телевизионной башни в

Молдавии от нулевого цикла до антенны, сделал усилие над собой.

– Если бы не трос, Герман Степанович, все было бы как положено!

Выдержав паузу, добавил для убедительности:

– Вы же меня знаете!

Смальцов обвел собравшихся подобранными серыми глазами, удовлетворенно поправил пиджак.

Убирая ручку в карман, Устинов нахмурился. Испытующе посмотрел на молодого вертолетчика, имя которого во всех репортажах журналистов об уникальных воздушных монтажах упоминалось непременно после его наставника Смальцова. Да, трос – это факт, ничего не скажешь, но почему он оборвался, если мачта уже стояла, а?

– Ладно, ладно, Белонос! – командир отряда выключил магнитофон. – Вопрос закрыт!

Он достал из кожаной папки с дарственной планкой листы чистой бумаги, протянул пилоту:

– Комиссия выводы сделает... решат, кому за железо платить. Не переживай!.. Может, мачту восстановить сумеют... Вывезешь с горы, я договорюсь насчет заявки – и так далее! Не грохнешь во второй раз?.. И в объяснительных записках чтоб было, как здесь слышали мы, понятно? До запятой!

Белонос согласно закивал, заметно теряя краску на лице.

– Теперь о полетах завтра и, по-видимому, до конца месяца – перешел на будни Смальцов. – Цифры наши знаете: тонны, часы, километры, ГСМ – плюсы. Так что в наряд ничего не планировать. Отказывать всем! Кому тренировки нужны – пожалуйте. Вопросы?

Никто не отозвался.

– Свободны! – защелкивая кнопкой папку, закончил Смальцов. Оживившись, все вышли из класса.

Когда Белонос, просматривая мельком справку о рейсе, поравнялся с Максимом Николаевичем, тот остановил его.

– Погодь, Саш! – показал на учебный макет для демонстрации технологии подъема конструкций.

Пилот задержался нехотя.

Устинов включил пульт. Маленькая модель вертолета МИ-10К, зашевелив винтами, двинулась по восходящей траектории. Подвешенная тоненькая мачта, собранная из деталей детского конструктора, потянулась верхушкой медленно вверх. Уперевшись основанием на четыре точки, она перестала подрагивать.

Максим Николаевич показал на кончик мачты.

– Ведь ты потерял его из виду, Саш!.. Просто залез в облачность, да? Залез вместо того, чтобы...

У Белоноса вздернулись узенькие брови, скуластые щеки начали розоветь.

– Вы что? – он сердито закрутил удивляющимся рыжеющим лицом, и Устинов догадался: правду не скажет. Прямо и строго он всмотрелся в светло-серые глаза, и они не выдержали.

Через день Устинов улетел на парный монтаж. Пришла столичная телеграмма: “направить!”, и его послали “вылетывать программу”. В тюменской тайге экипажи двумя летающими кранами расставляли вдоль трасс газопроводов высоченные ретрансляторы связи – работа серьезная, немногим по плечу!

Когда возвращался оттуда, так захотелось забраться куда-нибудь в глухую лесную сторожку на Ильиче-реке, послушать в затихшем сосняке скрипуче-деревянный говор да подергать из-под лда толстолобика среди молчаливого белоснежья. После долгих, затягивающихся разлетов по стране на тряской “десятке”, Устинов стремился выбрать хотя бы пару суток такого уединения. Жена поначалу сердилась – “дома и так почти не бывает” – но, увидев его потом посвежевшим и бодрым, успокаивалась. Затем, по обыкновению, наваливались новые заботы, и Устинов погружался в них без остатка, забывая про личное, про семью.

Редкие задания походили друг на друга. Такая неповторимость нравилась. Но, главное, Устинов ощущал себя воистину всесильным: монтажи стали его жизнью. О нем, неизвестном пилоте из аэропорта Парма, заговорили, и со своей машиной он оказывался чаще, чем с семьей.

”Десятка” – машина хоть и не с типичным характером, но добротная, отзывчивая и терпеливая. Устинов брал от нее все, на что она была способна. Это Устинов в числе первых российских вертолетчиков рискнул все же реализовать идею Юрия Гарнаева, разбившегося на МИ-6 при тушении пожаров во Франции. Предложенное использование двух машин одновременно быстро окрестили способом “лягушки-путешественницы”: сорокатонные вертолеты, свистя турбинами и, отмахиваясь лопастями вблизи друг друга, брали тяжкий груз, который не мог осилить ни один из них в одиночку, переносили и опускали там, где нужно и так, как требуется. Нервов это, конечно, стоило – экипажи выматывались основательно – и Устинов многие подобные монтажи брал на себя.

В тайге дни скоры.

В предвечерье, набродившись на камусных лыжах среди дремлющих в белой темноте деревьев, Устинов растапливал каменку. Парился подолгу, вылеживал на полке. Забывался. Нет-нет, но и в полудреме виделась зависшая над мачтой “десятка”. Под ней, сопротивляясь мощному вихревому потоку, работают верхолазы.

Один заход, второй, третий...

Пальцы дрожат на ручках управления и шаг-газа, машину на минутах висения трясет так, что невозможно различить показания приборов.

Как же сократить режим висения?

Можно ли обойтись без людей на высоте?

Засыпая, виделся с собой, шестилетним. Он, Максимка, бежит, накалявая белые цыпастые ноги о выгоревшую стерню, к приехавшему отцу. Появлялся он с аэродрома в пахучем кожаном реглане, с пистолетом в большой кобуре, запыленный весь и горячий. В хате, где тогда квартировались, отец усаживал его на колени, обтянутые синими галифе, рассказывал о полетах.

Сны, сны...

Среди туч, насупившихся и хмурых от горизонта до горизонта, падал беззвучный силуэтик самолета. Как в кино. Тыкался в лес – и все.

Потом сурово стояли шеренги солдат, а на глинистом свежем холмике голубел околыш летной фуражки дяди Леша Круглова, папиного товарища. Вскрикнув, рассыпались с голых веток от оружейного залпа черные птицы. Застыв, отец больно сдвинул Максимкину ладошку.

Пахло сырой землей, порохом.

Плакало и небо...

Устинов помнит все, с чего началась для него авиация. Как отец говорил, что он, Максимка, – мост между домом и небом, а в жизни без мостов нельзя никак. Самое надежное на свете, сын – это мосты!

В военном городке не обходилось без рвущих душу тянучих медных мелодий духового оркестра, когда провожали в последний путь летчиков. Реактивные машины поддавались освоению сложно, ожесточая и забирая людей – не однажды гас турбинный гул перед самой посадкой самолета или, наоборот, на взлете, когда только мощь двигателя в руках пилота да опора на крылья дают надежду подняться на высоту и вернуться оттуда. Но и после всех трагедий во дворах ДОСов¹ по-прежнему бегали, игрались мальчишки, и всегда, несмотря ни на что, находился тот, кто позже надевал летную форму и связывал свою судьбу с аэродромами. И каждый год под ударные, зовущие звуки торжественного марша печатали шаг вдоль квартирных окон ряды молодых авиаторов, и всё более стремительные машины взмывали вверх, забираясь за небо, к сине-черному космосу.

Отец свой противоперегрузочный костюм, в котором летал, так и не снял. Не успел. Сердце его остановилось вместе с угасшими оборотами двигателя сверхзвукового ракетносца.

Почти в эту же минуту, как позже выяснилось, за несколько тысяч километров, на Дальнем Востоке, пришлось совершить аварийную посадку Устинову. Когда его МИ-10К перевозил по трассе трактор на очередной пикет, не выдержала тумба крепления силовой установки. От трещины в стальном теле вертолет залихорадило так, что нужно было садиться немедленно. Или, лишившись подвески со сбросом трактора в болота, пройти еще сколько можно и садиться все равно.

Устинов сел. Прямо под собой. Выбрать другое место было некогда. Да – и негде.

Машину он опустил на недоростки-деревья, не повредив ни груз, ни вертолет. Отдергивая красную скобу отстрела дверцы на левой стороне кабины, Устинов ни о чем не думал – увиделось лишь на мгновение грустное уставшее отцово лицо. Выпрыгнул на сырой мох Устинов с предчувствием нездешней беды.

Не ожидая обязательной комиссии по расследованию и оставив экипаж – объяснительную написал подробнейшую, сунув листок в портфель штурмана – он самовольно вылетел ночным ИЛ-62 в Москву, а оттуда – на Украину. Со срочной телеграммой из войсковой части он разминутся на сутки, поэтому застал мертвого отца, впервые увидев застывшее выражение последних секунд того полета и неподвижные, сложенные вместе, руки, что покорили не единственный летательный аппарат и подтолкнули к ним сына.

У могилы, пока не хлопнул оружейный залп почетного караула, Устинов еще не верил. Стоял оглушенный, смотрел немо и не верил. Только оставшись в отцовой квартире наедине со всем, что недавно служило ему, Максим Николаевич выпустил из

себя слезы. Для кого он будет теперь мостом? И так ли уж надежны эти мосты?

...В натопленной, пропахшей березовыми, с пихтой, вениками, сушняковыми дровами и духовым, сочным ароматом сторожке нашел его Чернов.

– Что, напугался? – не выпрямляясь после осевшего дверного проема, спросил директор вместо здравия. – Приехал, вот, глянуть, как отдыхает ас воздушного монтажа. Не возражаешь? Рыбехой угостишь-то? Может, и не только ею, а?

Осмотревшись, Чернов распрямился. Распахнув длинноростую куртку с пушистой, нежной белости, меховой оторочкой, подошел к теплой печке.

– Генеральное начальство эдак принимаешь? – упрекнул полушутя-полугрозно, кивая на почти прибранный стол. Лишь на краю дощанки – миска с кружкой да ложкой в ожидании помывки.

Устинов расстроено вздохнул.

– Э-эх, знал бы!.. Если уж оно добралось в глухомань мою, значит, пора переодеваться – ушел от ответа пилот, слезая с нар.

– Соображаешь! – проговорил Чернов, ревностно оглядывая с огоньками в глазах коренастую, в темном грубо вязаном свитере, фигуру. Застегнулся, пряча золотые пуговицы формы. – Что, сразу и поехали? Встречать так гостей невежливо, да!.. Хотя “Волжанка” недалеко тут, ждет...

– Спасибо! – неулыбчиво поблагодарил Устинов, не поддерживая разговор. – Предпочитаю и отсюда лыжной. Привычка-а!

– Хрен с тобой! – Директор обиделся, но не обнаружил это. – Мы тут вдвоем залетели. Есть вопросы, а ответить можно с тобой только.

Шумно втянув воздух, крикнул в дверь:

– Где пропал, Эдуард Аркадьевич?.. Давай, давай сюда!

Видя реакцию хозяина дома, он помял полноватые губы, как бы подбирая нужную интонацию.

– В общем, собирайся! Сверху меня, Николаич, мучают, а я – вашего Смальцова. Неужели “десятки” не найдется? – срочнейшая заявка ведь! Смальцов, было, сам засобирился, но предупредили: прессы не будет никакой, телеобъективов – тоже! Бумаги на работы мы привезли, полистай. Хоть ночь сиди, но завтра нужно сообщить готовность, ясно?

– Я посмотрю документацию, – сдержанно согласился Устинов, принимая пакет от Серебренникова.

– Ну и бука! – поддел директор. – Давай хоть перекусим с дороги, а? И еще пару задачек дорешаем, годится?

Чернов деловито зашагал поперек комнаты, отыскивая на бревенчатых стенах охотничий минимум посуды. Когда накрыли по-мужски тесноватый стол и, распробовав привезенное в портфеле, сыто отложили ложки, директор постучал пальцем по кружке:

– Ты часом не задумался, – мельком перекинулся взглядом со смуглолицым заместителем, – почему это первым шагом к установлению законности в Руси стала вдруг гласность, а?

Он задержался вспыхивающими глазами на Устинове. Не надеясь на скорую откровенность, продолжил:

¹ ДОС – дом офицерского состава.

– Наивно полагать, согласишься, что власти... и мне, например, охота порочить прошлое. Что нужно демонстрировать грязь и кровь на чистеньком... То, что и ты, учившийся у Смальцова, выступил против него с группой пилотов, мне понятно. Многие мы зашторивали, да! Я сам никакого корреспондента или инспектора в ваш отряд не пускал бы и теперь – это так. И воевавшие против гласности в свое время тоже не так уж любили Сталина, не знал? Они, считаю, просто хотели жить по-прежнему. Но... гласность возобладали. Все эти съезды народных депутатов, заседания Верховного Совета, кипы печати, микрофоны в Думе – теперь дошло, что гласности мало. Ее недостаточно в конце 20-го века. Нужна свобода слова!

Серебрянников хмуро морщил лоб, приглаживая курчавистую седину на висках. Только что в дороге, переговорив вроде бы о проявившейся трещинке среди командно-летного состава отряда Смальцова, он почти спорил с директором о выходе из такого положения. Ну, не сработались, а вернее – переработались вместе. В больших дозах конфликтно-зависимая подчиненность всегда вредна, опасна даже. Но кто скажет, что вот именно сегодня следует заменить командира отряда? Сколько историй можно припомнить по аэропортам вокруг этого – слишком часто замена запаздывала. Приходилось просто-напросто поступать как с уже большим зубом. И боль, как правило, отступала...

Тут же, если убрать с должности Смальцова, отряд автоматически терял и монтажную специализацию. Допуска все, связи, договоры с заказчиками, расценки, проекты – слишком уж многое замыкалось на самом командире и во многое он не посвящал даже из первых помощников. Устинов, обострив ситуацию коллективным письмом Чернову, настаивал на публичности и открытом разборе. Генеральный директор отозвался на обращение не сразу. Он-то понимал прекрасно: едва допустить, что настанет свобода для всех и во всем и тотчас возникнет страх перед злоупотреблением. Привыкнув жить под постоянным контролем в стране, в отрасли своей, возложив на правительство, на Министерство странную обязанность воспитывать народ (хоть граждане не дети правительства, и экипажи – не сыновья Министра Гражданской Авиации), и куда естественнее наоборот: народу воспитывать должностных лиц и деятелей, мы не можем уразуметь: свободой злоупотребить невозможно! Она, свобода, лишь позволяет проявиться тому, что и без нее есть, и приходится все равно думать: хороши ли чужие дела и призывы, и совершенно безразлично – подспудны ли их пути или прямолинейны?

Да, немалое в предприятии не доходило до газетчиков, в репортажи телевидения. Так, в общем-то, было принято долгие годы. Без больших “маленьких секретов” не обходится никто. Поэтому и служебные совещания – разборы, если и растекались информацией, то, скорее, из-за обыкновенной болтливости кое-кого, без серьезной подоплеки. Теперь же, с этой перестройкой, с демократией, работать стало и проще, и сложнее. С приходом в директорат Серебрянникова, не всегда соглашающегося с генеральным и не стесняющегося отстаивать свою точку зрения, Чернов заметил: никаких противоречий тут нет. С Эдуардом Аркадьевичем сам процесс принятия решений стал более

открытым, а на разборах все из участвующих получили возможность высказываться совершенно свободно, признавать свои заблуждения и силу аргументов навстречу, позволять себя переубеждать. Оба они, Генеральный и заместитель, убедились: большинство принимаемых ими мер – это компромиссы, а не результат силового давления. Даже профсоюзники из филиальных аэропортов сейчас могут запросто по телефонному разговору с любым, Черновым или Серебрянниковым, получить прямую информацию о ходе дел в производстве. Было ли подобное прежде?

Но ни Чернов, ни Серебрянников не назвали бы прошедшие стилевые перемены просвечиваемостью директората. Нет, внешняя открытость, транспарентность поддерживались необходимостью тоньше, глубже, острее замечать всякие, даже чуть-чуть, проявляющиеся неприятности и проблемы, реагировать на них основательнее и гибче, с учетом слишком многих оттенков в экономике, в разговорах людей, в отзвуках в Правительстве, в “китовых” ведомствах. Сегодня Смальцов – уже отзвеневшее золото. Жаль, что проморгали подготовить приличного, не ниже, профессионала-монтажника! Ну, а Устинов – уже немолод, пора приглядываться к более перспективной натуре...

– Олег Григорьевич, давай пошлем по этому проекту все же Устинова, а? – улыбаясь, перебил думанье директора его заместитель. – Пока мы дождем эту вкуснятину, он согласится! – Серебрянников пододвинул слоистые бутерброды к кружкам.

Устинов опять не однозначил?

– Я же сказал: посмотри бумаги! – ему не хотелось быть вот так зависимым. Подчиненность есть подчиненность: даже если начальство жаждет близости, и поддакивая, нельзя, как убежден Устинов, кланяться сразу. И то, что Смальцов не подмял такой громкий заказ под себя хотя бы напоследок, заставляло сдерживаться перед высокими гостями, пусть и приехавшими к нему, рядовому вертолетчику.

– Честь оказываем, а ты... – поднимаясь в полный рост, Чернов стукнулся о косяк притолоку. – Мы ждем тебя в штабе...

Ознакомившись с заявкой, с проектом производства работ и фотоснимками местности, Устинов собрался. Лететь – так лететь!

На юге Николаевщины, в тесном районе у Березовки, требовалось поставить на железнодорожный мост три фермы ЛЭП. Высоковольтка пересекала реку и, чтобы не тратить средства и время на гидроинженерные работы, выбрали вариант протянуть провод вдоль моста.

– Ну, дотопал? – вставая из-за вытянутого, бильярдного вида, стола в директорском кабинете, встретил его Чернов. – Тебя только и ждем! Садись...

Вошли руководители, участвующие в разборе. Вдоль стены заняли привычно места Смальцов, командир. Серебрянников вопросительно переглянув каждого, достал блокнот и аккуратно устроился в углу, справа.

– Хозяйство ваше посмотрел, людей послушал – начал Генеральный. – Острого хватает. Будем помогать как можем с Эдуардом Аркадьевичем! Но... ни слова о деньгах, о дефиците вертолетов. Если сидеть и ждать, даже дождь не сразу обсыплет! Что сделано, почему так

мал эффект, какие пути ищите? На эти вопросы и будем пытаться отвечать!.. А пока, пускай Устинов голос подаст, хорошо? Что неясно, Максим Николаич?

– Ничего – лаконично и сразу отозвался вертолетчик.

– Все-все ясно? – преувеличенно удивляясь, вспыхнул взглядом Чернов, хмыкая. – А мне, представь, нет!

Смальцов покачал желтым лбом, тяжело держа крупную лысоватую голову. Записал что-то себе.

– Так берешься за Березовку?.. Или опять дирижабль будешь просить? Ваш рапорт... – Генеральный директор подыскивал слова, чтобы и точку не поставить скоро наскоро, и не оттолкнуть тоном, и дать понять, что ничего спешно им не делается – у меня. Не волнуйся.

Он широко, со смыслом заулыбался всем:

– Вообще-то, мне забот моих хватает. И я постараюсь приучить вас справляться с проблемами самостоятельно. Да, приучу!.. Время действительно меняется, и начальнику действительно следует быть началом... Предлагаю: Маскиму Николаевичу пожелать удачи на Украине – раз. Нам пошевелить мозгами над рублями, часами, тоннами – два. Остановиться на одном-двух вариантах вывода налета на приличный уровень – три. Давайте работнём!

Проводив в спину Устинова, он задержался с продолжением разбора. Не подписанный рапорт лежал у него в письменном столе, в стопке бумаг, собираемых в папку “что хотят?”. Из недавнего собеседования с ведущим специалистом воздушного транспорта по применению авиации в народном хозяйстве стало понятно, что задумка кустового использования МИ-10К в России уже изучена в нескольких крупнейших НИИ. Есть и некоторые сдвиги. Похоже, скоро запустим “десятку” по пяти-шести районам, пусть монтирует – сэкономим на перегонках, на ресурсе! А по дирижаблю – не торопитесь, растите летчиков! Уже доводятся до ума экспериментальные экземпляры, даже есть стотонник – “Муравей”. Есть и другие, но пока в моделях, на компьютере.

– Кого возьмешь в пару? – остановил у самого выхода Устинова директор. – Если Белоноса, то воздержись. Пускай успокоится. Я просмотрел видео по Костроме, по Липецку – ничего, красиво! Но... осторожничает слишком, висит тяжело, дергается. Будто побаивается груза под собой... или я не прав, Смальцов? Пеленёр – его работа, а?

– Белонос – пилот способный! Тянет на отряд, и осилит командирство, – защитился, поводя лобастой головой и ища ученика, Смальцов.

– Ну? – не почувствовал однозначности Чернов.

– Пусть слетает еще раз – твердо сказал Максим Николаевич. – На месте еще раз посмотрю. Насчет страха – не думаю, а если и так – вылечим!

– Ну и хорошо, быстро согласился директор. – Тебе виднее...

В строительно-монтажном поезде СМП-565, в чье распоряжение пришли вертолеты из Коми, организовали все как следует. После короткого отдыха и обсуждения экипажи съездили на сборочную площадку. Многометровые этажерки, покрашенные блестящей

серебрянкой, покоились на деревянных подставках. Даже гирлянды изоляторов подвешены!

Устинов остался доволен. Давно он приучился с первого осмотра определять слабые стороны предстоящего дела. Проекты проектами, но пока он не перетрогает узлы крепления и стыковки, пока не ощутит уверенность за всякий элемент монтажного полета, до тех пор в нижнюю операторскую кабину не сядет.

До железнодорожного моста, как сказали, было вовсе недалеко, пошли туда по шпалам.

Он оказался старым. Воспринималось так по всему: по металлу арочных перекрытий, по вмятинам на боковых ограждениях, по следам неоднократной перекраски.

– С 38-го стоит – пояснил бригадир. – И еще век продержится! Ничего нет долговечнее мостов, уж точно!.. Правда, арку, вон ту – он показал на середину пролетов – свалили. Старожилы видели: самолет сдвинул. От штурмовика ничего не нашли, но слышал: при восстановлении моста в подкосо каком-то кусочек портсигара обнаружился. Сплавлен весь, имя вырезано, но летчика или кого – неведомо.

Прибужанка за мостом лихо сворачивала вправо. Течение ее виделось небыстрым, но наполненным, широким. И казалось, мост уверенно упирается в оба берега – чтобы выстоять.

– Целый эшелон фашистский на дно пустили – добавил бригадир. – Пацаны и счас обломки находят, гильзы таскают досегодн...

– А когда “окна” дорожники дают? – помолчал, переспросил Устинов.

– В пять утра – сорок минут – бригадир достал бумажку – а потом – с восьми, двадцать минуток. Далее – после обеда, перед вечерой... Там покорооче...

Обойдя полотно рельс, Устинов заключил:

– Начнем на рассвете!

Устроились в лучшей, как и обещано было в заявке, гостинице городка. Она, как выяснилось, и единственная.

Перед сумерками Устинов решил пройтись, подышать южной тишиной. Штурман шутнул: к местности привязаться надо, но тут чаровниц хватает! Смотри, командир!..

Улицы понравились аккуратностью, щедрой зеленью, веселой говорливостью, сочным, манящим разнополем от окраинных кварталов. Березовка, Березовка...

Сюда уехала когда-то, тысячу лет назад, голубокая Галинка, Галя Бабчук. Галочка, Галчонок... Отсюда получил он пять последних писем, а она не хотела, чтобы Максим шел в летное.

В день окончания школы зашел он, чтобы решить все: будет ждать, пока станет летчиком?

Она промолчала.

Галин батька, пожимая руку, подсказал тихо:

– Это от матери у нее. Я-то рано отлетелся, знаешь.

И она насмотрелась на летунские семьи. Вот и боится за тебя. За жизнь и свою нервничает. Но любит, Максим, кохает!

Бабчуки перебрались позже в эту самую Березовку, он надел курсантскую гимнастерку.

Дом отыскался довольно скоро. Волнуясь, Устинов позвонил – открыли сразу, точно ждали.

Виктор Афанасьевич, состарившийся, как-то уменьшившийся, изумленно окинул пилота. Заулыбался, узнав, закричал вглубь коридора:

– Та-ань! Ты глянь, кто приехал!

Вытирая о фартук мокрые руки, вышла Татьяна Петровна, и сразу показалось, что не было расставания в два десятка лет, что он, Устинов, совсем, совсем недавно покинул этих людей. И, как прежде они усядутся пить чай с медом. Вчетвером.

Гостевая комната вскоре была накрыта для встречи.

Максим Николаевич не задавал вопросов о Галине. Наконец после долгих расспросов о работе, о семье, о здоровье, о зароботке, он спросил. Бабчук мельком, прятая повлажневший взгляд, отвернул лицо:

– Дочка ведь в авиацию тоже пошла. – Помешивая чай, сдержанно ответил. – После тебя сразу уехала. Сейчас самолеты делает. Может, ты все ж и повлиял...

Отодвинул чашку.

– Счастья только не смастерит что-то!..

Тут же перешёл на другое:

– Мы тут с мамкой иногда видим на экране твои вертушки, да? – обернулся к жене. – То на Кольском полуострове, то на заводской крыше ставишь что-то... даже в горах кавказских провода раскатывал, верно? Известным ста-ал!.. Не кружится внутри от высоты такой, а?

Устинов засмеялся.

– Нам высотная болезнь противопоказана. Сразу спишут!

Припомнили прошедшее.

Бабчук полистал семейный альбом.

– Такую видал? – остановил листы, показывая на небольшую фотографию.

Максим Николаевич всмотрелся в силуэт штурмовика ИЛ-2 с темными заплатками обшивки на боку, на плоскости. В открытой, задней кабине стрелка, держась за пулеметную турель, радовался фотоаппарату чубатый паренек в сержантских, не помятых еще погонах.

Виктор Афанасьевич?

– В переднюю, пилотскую, кабину не успел опуститься... отец.

– Да, это же мы с твоим, с Колей!

– Белая кистевая надпись вдоль фюзеляжа “100-й боевой вылет капитана Устинова”, сейчас запустится движок...

– Когда это? – едва слышно спросил Максим Николаевич.

– В 43-м, еще до тебя – задумчиво ответил Бабчук.

– Мне, значит, двадцать. А... Коле – три годика сверху. Мы тогда на мост собрались. Он тут, кстати, рядышком...

Чай остыл.

По телевизору показывали “Новости”. Боевики в Чечне, демонстрации протеста в Кузбассе, голодовка учителей на Урале...

– После подъема, при утреннем построении, комполка поздравил с днем рождения. У меня и у Странадко совпадало. Феликс на “ноль шестом” ИЛе летал, мы почти всегда ходили крылом к крылу... Ну, зенитка его срезала, загорелся. По радиции слышу, что закричал, прощается... Взрыва не видел, мы на разворот ушли, потом снова штурмовали. В общем, обратно

садились без “ноль шестого”. Нам оружейники еще по портсигару сварганили к рождению, из дюралю фрицевской... И из полка четыре, по-моему, портсигара и осталось. Из тех, кто начинал с июня... Мой где-то в комодке, да-а? – осторожно тронул Бабчук жену за плечо, замолк.

В гостиницу Устинов пришел поздно. Лежал, лежал с раскрытыми в потолок глазами, не в силах не видеть штурмовой атаки ИЛов. Горят платформы внутри железнодорожного моста, рушатся в речку с танками, орудиями...

Ранним утром к сборочной площадке на стареньком “запорожце” подъехал Виктор Афанасьевич. Обойдя, внимательно и строго разглядывал огромный вертолет, провел ладонью по клепаной обшивке.

Устинов, отодвинув свой блистер, махнул ему рукой.

Провисшие лопасти медленно, потом с ускорением, раскрутились, вытягивая плоскостью в сверкающий, шелестящий лимб. Вертолет напрягся. Немного помедлив, легко оторвался от земли и потянулся вверх.

Белонос взлетел следом.

Первая ферма, натянув тросы подвески, поплыла под обеими “десятками” – кранами, покачиваясь и чуть-чуть подныривая у машины Белоноса.

Устинов то и дело поглядывал на неё.

– Нормально, Саш! – одобрил по радиции ведомого, сумевшего успокоить конструкцию.

Вертолеты пошли к мосту, соединенные между собой фермой и тросами.

– Пора! – произнес Устинов коротко, одним

выдохом. Надо снижаться вместе, синхронно, по метру.

Мост был прямо внизу.

Скорость и высоту гасили одновременно и Устинов, и Белонос, чтобы ферма не отвернула ни на градус, опускалась строго горизонтально.

На оставшихся сантиметрах, перед самым контактом груза с ловителями на арке моста, вертолетам надо приостановиться, зависнуть. Вот именно тогда и можно ложить! Именно это у Белоноса и не получалось.

– По секундам! – скомандовал Устинов. – Сброс по сигналу... Белоноса! Ясно?

– По-онял! – не сразу подтвердил ведомый, но в голосе не было ни тени сомнения, ни неуверенности. Хоро-шо!

Вообще-то – и Устинову это прекрасно известно – поступать таким образом опасно. Нельзя без предварительной подготовки, на ходу, отдавать ситуацию напарнику. На монтажах случается всякое: приходилось ломать грузом ловители из-за внезапных порывов ветра, и висеть, как говорится, на одном нерве, если лопался многожды перепроверенный трос, а сбрасывать подвеску нельзя, и еще черт знает что вытворять. Надо чувствовать, предвидеть поведение машины и груза в любой момент, управлять им, чтобы в нужное мгновение положить сразу, мягким и скорым нырком вертолета.

Белоноса пришлось лишь раз попросить подправить положение.

– Над местом! – отозвался в наушниках Саша.

– Порядок! – тепло ответил Устинов.

– Сброс! – облегченно крикнул через секунду Белонос.

Освободившись, летающие краны пошли обратно на сборочную площадку. Привезенная ферма осталась на мосту.

Следующую положили скорее.

Бригадир верил и не верил. По обычным нормам на такую работу с мужиками из его СМП давалось почти два месяца, а – здесь?.. Он бегал вокруг последней фермы перед её взлетом, хлопал по крашеным бокам, словно подбадривая: не дрейфь! ребята не уронят!

И она, третья, легла спокойно.

Стремительно устремив “десятку” на вертикаль, Устинов повел её большим радиусом. Ему было видно сразу все: мост, соединивший не только оба берега Прибужанки, фигурки рабочих, бригадира, Бабчука, многовагонный состав с лесом, кирпичом, комбайнами.

Он приоткрыл блистер. Ворвался свежий ветер, принесся запахи просыпающейся к весне земли, речки.

Штурман сообщил:

– Погода в норме! Дома – минус 36°. Вам, командир, радиограмма.

Устинов подмигнул:

– Давай, уже читнул же!

Штурман продиктовал:

– Прибыть в Москву по адресу... – не пряча радости переспросил: – Это за “Муравьем”, Николаич? А я надеялся на отгульчик – порыбалиться охота!..

Устинов ничего не сказал. Было грустно, что Березовка уходит влево назад, заметно уменьшаясь в отдалении. А впереди, по взятому курсу, открывалось нескончаемое раздолье.

ПРАСКУНЯ

Возвратилась она странно тихая, будто оглушенная чем-то. В первый же рабочий день это заметили в бригаде.

После уборки салонов рейсовых самолетов выдался, как обычно, перерыв, и мойщицы собрались в перронном балке передохнуть. Многие были не молоды – от этого, наверное, разговоры их между собой проявляли не очень понятный со стороны полухотливый-полуворчливый характер, когда видится значительно больше, чем спрашивают и отвечают словами. Но Кузьминичну выпытывали дотошно. И про город у моря, и про само Черное море, и про цены в курортный сезон, и про соседей по лечению, и про погоду, конечно. В общем, про все-все. Разумеется, и про деликатные моменты...

– Мож, кого и ты нашла, Пашух? Даже здесь слышать: там запросто и дешевле! – поддела без улыбки Родкина, броско завлекательная и в грубоватой технарской спецодежде. – Поделися опытом! Чтоб это и нам досталось, а?

Женщины засмеялись.

Кузьминична усмехнулась сдержанно:

– Да, бабоньки, нашла... – грустно протянула непривычно утишенным голосом.

Мойщицы недоверчиво, но с видимым пониманием, переглянулись. Привстав, из дальнего угла вопросительно выглянула Родкина:

– Ты-ы? Неужели...

Подпотолочный динамик, диспетчерски перебив удивленное молчание в комнате, объявил о посадке ТУ-134 из Москвы. Мойщицы заторопились, суетно гремя ведрами, одеваясь и забирая аптечки для обслуживания пассажирских кресел. Только Кузьминична сидела все так же, зажав коленями веник...

Собственно ехать она не хотела. От путевки, врученной ей на собрании вместе с медалью “Ветеран труда”, отказывалась. Сквозь слезы ничего путного сказать она и не сумела.

Сестра вечером уговаривала:

– Ну, чего ты боишься? Хоть отдохнешь, Паш, развеешься! На юга поглядишь, полюбуешься,

подышишь теплотой. И о себе когда-то ведь подумать надо!.. Что было-то? Хлопоты-заботы сплошняком! В двадцать два – вдовка с тремя ребятишками в ладонях. Только, вроде, приходит в себя стала, человека встретила – война эта чертова, снова – вдовица...

Слушала Кузьминична, кивала согласно, глазела на стылый нетронутый чай. Думалось свое...

Ох, Макар, Макарушка! Сколько ж прошло с того победного, а каждый прожитый, протянувшийся, прошмыгнувший год видится, ощущается мучительно, болезненно. Последний, одиннадцатый, треугольник добрался до нее из госпиталя. Ломанный, не макаров, почерк испугал. Потом поймалась на счастливой мысли: – Жи-ив! Скоро придет... А рука, это – ничего-о!

Ждала, дожидалась мужа.

Вдруг – извещение. Казенная, бланковая, строчка: “Мл.сержант Шимко М.И. погиб в бою с немецко-фашистскими захватчиками”. Печать и подпись.

С той поры, нет-нет, да и сожмет сердце до безысходного, в себя, стона.

И на кого потом она не поглядывала. И не хотела смотреть. Хотя сколько мужиков – работающих, хозяйственных, застылых без семьи – предлагали ей дожить вместе! Отнекивалась, не шла ни на какое сближение. Был же Макар, был такой человек для нее – лучше и не бывает. И хату поднял, и все в ней, от табуреточки до печи, сработал собственноручно. Ладить по дому умел что хочешь, да и вообще любивый, хваткий, безотказный до дела... был. Ласковый, жаркий Макарушка! Детей ее, как своих, миловал. Берег.

Когда его призвали на фронт, где только не носило их: помыкалась под немчурой с малолетками, осталась без дома и огорода, без вещей. Пришлось слесарить на заводе, вагонетки с углем катала и паровозы ремонтировала, настиралась по квартирам, сторожила, буфетничала – чего не сделала, лишь бы ребяток поднять, вырастить. Уж постаралась судьба потолкать, выжать, искрутить, выветрить, выстучать из нее, как из полевой березки, даже мыслишки о себе самой, о бабей радости...

Поехала Кузьминична по путевке лишь от неловкости за долгие упрасивания. Гулять по приморскому городу ей понравилось, бродила подолгу и замороженно наслаждалась бесконечными, успокаивающими волнами. На экскурсии ездила без выбора.

В санаторной столовой оказалась за столом с молоденькой супружеской парой. В недавней невесте узнала стюардессу. Господи, никуда не денешься! Везде свои, как по кругу...

– Ой! – запрочитала подошедшая официантка. – И шо ж робыться? Та хто ж прыжжа з вашой пивночи?

Бортпроводница немного растерялась:

– В каком это смысле?

Расставляя тарелки, дородная женщина в симпатичной униформе певуче объяснила:

– Та вот-таки худячи, як ты, и прыжжають. Навить, зовсем москали, з ума зыхалы, ча? За шо ж кохаты гэбэ?

Не смутившись, молодая гордо защищала начавшуюся семейность:

– Как за что? У меня все везде в порядке. Верно, дорогой?

Он поддержал ее почти по телевизионному:

– И душа хорошая!

Официантка, не прекращая накрывать стол, настаивала на своем:

– Та кому трэба душа, колы у страни такэ робыцца, га? зеньки-то видкрыйте! Ты, дивча, голодом зморэна, зачепыцца не за шо! А ты, мабуть, пса, шоб кости одни глотать, га?

Кузьминична, застеснявшись, незаметно поправила свою кофту, выгладила складки на юбке. За худобу ее, несмотря на то, что иногда сочувствовали люди по всяким поводам, никто никогда не пожалел. Подумала: “От того, что дылдная, аж 54-й номер по фигуре!”

Стюардесса не сдавалась:

– Между прочим, я считаюсь очень даже упитанной. Верно, Лешенька?

Женщина, заканчивая расстановку обеда, перешла из обороны в наступление:

– Та з ума сойти! Мужики гэты рехнулыся! Ты бы туточки, як закишла мульнда, у дивках засыдилася, во-в! Та уж и я бачу: кохаты ни за шо!

Со вздохом освободила цветастый разнос, окинув сочным взглядом подготовленный стол. Шумно выдохнув, посмотрела на поженившихся поочередно пристально и тоскливо:

– Та за яки ж места кохаты ии? Она ж скрыз пальцы струиться! А колы назавтра знову якыйсь пэрэмол, га? Запазу в ний зовсим немае, помре з голоду на другу же недиллю – хто ж диток ростыть будэ?

Прибавила горько, умиряя заколыхавшуюся грудь:

– Та усе тому, шо у себе, на Руси, расцота вы не зна. У нас, бачь, як мы кормлены – на пивроку, не миньш! У сараи – свинка, галаны – куры, гусаки... Власть зминьтсья – шо робыты? Та з нами усэ сало побычить, кормуваты нэ трэба в дорози! И нас гэж не трэба: сама не помру та мужику своему вмернуть не дам! А твоя, хлопчысько, бачь: косяна, здохне токо так! А ты – по витру, як лыста сушеняве, тью-тью... Житы сегодни трэба на всэ життя!..

Пожелав пухлыми, в бантик, губами приятного аппетита, она удалилась уверенным шагом с разносом, зажатым подмышкой. Кузьминична благодарно кивнула, берясь за ложку. А чего? Права же крымчанка! И красива-а...

Молодые зятжно не могли отвести от уходящей женщины глаза. Последующие дни их стол накрывался с запасом и, как неволью заметила Кузьминична, ничего из еды не оставалось.

Перед самым отъездом – уже и чемодан сложила – как обратила Кузьминична внимание на появившегося старика. Прямой, достойно осанистый для возраста, но правая рука как неживая. Худастое, по черепному сглаженное до предела лицо, покрытое к тому же витыми бороздами ожогов, испугало. От страха она зажмурилась, но это было скорее всего от совестливости – всегда ей становилось не по себе, стыдно перед пострадавшими вот так, с вечной болью.

Старик, видимо, выделил из сидящих ее тоже. Несколько раз ловила она до стеснительного покраснения внимательный, настаивающий на немедленном решении, взгляд.

Подошел он сам, и Кузьминична неволью выровняла спину, прислонясь к стулу.

– Извините, вы где застали войну? – спросил он, глядя в ее вспыхивающие глаза. Не дожидаясь, шепотно, не пересиливая дрожь, зашептал: – Па-ашенька! Где жы ты была? Я столько искал тебя...

Вокруг ели и разговаривали люди, смеялись чему-то, поднимались и уходили. Неожиданно все обеззвучилось. Ничего не осознавая, Кузьминична осмотрелась рядом. Повернулась вновь к нему. Горящие зрачки опалили. Колко, холода до озноба изнутри, смяло бок слева.

– Праску-уня!

Вставала она навстречу полыхающему пламени медленно, не чувствуя себя. Смотрела и не видела, слушала и не слышала.

– Это же я, Праскуня-я!

Слева отпустило, наконец. Она бы рухнула на пол, если бы не он. Неужели он? Так ведь звал ее только Макар.

– Ма-ка-руш-ка... – она попыталась произнести еще, но не смогла. Губы шевелились, проглатывая звуки вместе со слезами.

Она осторожно касалась его, опасливо и нежно проверяя: и вправду ли перед ней, здесь, спустя та-а-кое время стоит её Макарушка, погибший, закопанный?..

– Ведь бумагу на тебя я получила! – прижималась, колотясь как от лихорадки, Кузьминична к нему.

– Где же ты была, Праскуня?! – Старик заплакал. – Искал тебя, искал...

Обожженное наплось лицо ужасало, Кузьминична насильно сдвинула веки, преодолевая с напряжением обильную мокроту, горечь, обиду.

– Не бойся!.. Это под Кенигсбергом подпалили фрички фаустом... Отлежался. Шестьсот двадцать одни сутки! Приехал, когда комиссовали, а... села нет. Никого!.. Везде искал, писал – никто не знает. Ох, Праскуня-я! – сыреющий голос сорвался.

Не веря происшедшему, оба они говорили и говорили прямо в столовой, между столиками. Потом – в холле, потом – в сквере, на аллеях. Торопясь, перебивая

друг друга и изумленно вслушиваясь, рассказывали, не останавливая ни слез, ни удивления. Замолчав, гладили ладонями и говорили, говорили снова. Никогда Кузьминична не отдавала столько слов!

– Прости, Пашенька! – спешили его губы. – Я не поверил самому себе здесь...

Он безоговорочно ощупывал её глазами, убеждаясь, что его Праскуня переменилась все-таки мало, вот только кожа побилась, посечена, да волосы выщвели. Как нитки суровые...

– Прости, Пашенька, прости! Я вернусь к тебе. Только съезжу домой, объясню. Без тебя не смогу, Праскуня...

– Ты живи! – не вытирая лица, твердила она. – Ты живи, Макарушка, и не говори дома. Ничего не говори. Пусть будет у тебя там мирно... А мне, мне ничего не надо. Ты жив, а больше не нужно...

Ни детям, ни сестре после приезда Прасковья Кузьминична об этом не рассказала. Это горе, – люди знают, – становится легче, когда его разделяют на других. А радость, да ещё вот такую,жданную-пережданную, что внезапно и с незаживающей, тянучей болью закинула в кратком отпуске в давнюю молодость, в довойну, в миговое счастье – эту болочую, тревожную радость Кузьминична захотела оставить только себе. Хотя бы на ненадолго.

... Хлопнув дверь, вбежала в балок Родкина:

Чего сидишь, Паш? От санатория отдыхаешь? Потом поделишься, как вышло у тебя, а? – Она подмигнула, гулко захохотав. – Там АН-24 на Воркуту вне рейса готовят. Скоро сажать будут, а салон не прибран. Поскакали. Пашуха!

Кузьминична тяжело встала. Взяла ведро, веник и вышла вслед на перрон.

ТЕЗКИ

– Стрелки уже не рассыпаешь! – только и услышал на развороте от инструктора Рочев, сидевший сегодня в левом, командирском, кресле. Как ему показалось, весь полет среди мутных, как перекрахмаленный кисель, туч, тяжело нависших над тайгой, Теплых продремал, убрав даже руки со штурвала и ноги с педалей. Пилотировал Рочев сам.

Издредка он поглядывал на отрешенно неподвижное лицо Сан Саныча. Если бы не живой, точно впивающийся в приборы, взгляд из-под седых бровей, если бы не пульсирующие морщинки, то разбегающиеся от глаз, то удовлетворенно подрагивающие, Рочев так бы и считал: Теплых отдыхает. Час назад, на стоянке, он спросил:

– Так с чего начинается безопасность полетов?

Обойдя самолет как положено, Рочев вопросительно остановился у крыла.

– В НПП² определено только само понятие “безопасность полетов” – неуверенно попытался он обойти прямой ответ.

– Под фуражкой у тебя тоже что-то определенное есть! – поддел кучерявого пилота Теплых, недовольно задергивая “молнию” порывевшей кожанки.

В эскадрилье знали: если Теплых так двигает замком, значит, он ждал и не получил мужской сообразительности.

– Безопасность начинается с точного и беспрекословного... – начал выходить из положения Рочев, стараясь уловить реакцию инструктора.

– Запомни! – отрезал Теплых. – Она начинается с документов и со здоровья. Сегодня ВЛЭК³, слышал? Для тебя, конечно, и комиссия, и этажерка эта – пустяки... – Он скупно погладил перкалеву плоскость, не договаривая. Когда уселись в кабине АН-2 и пристегнулись, Рочев, сдерживая нетерпение,

пробежался пальцами по АЗС-ам⁴, проверил сигнальное табло – нормально. Ровно, почти бесстрастно, запросил по радио разрешение на запуск двигателя.

Сан Саныч кивнул – давай! Разогнав, Рочев оторвал машину от взлетной полосы вполне аккуратно, вывел на нужный режим полета. В горизонте, когда АН-2 поплыл по курсу, Сан Саныч ободряюще попросил:

– Ты только... не стесняйся! Волнуйся... всегда! – Глянув весело и бодро, расслабленно откинулся к спинке сидения. – Крути-и! – Сдвинул вперед радиогарнитуру, чтобы не давила по ушам и не мешала натуральным шумам полета, подумал: “Всего-то чуть-чуть и довести парня!..”

Наблюдать постоянно за стажером сейчас, когда программа ввода почти закончена, было уже необязательно. Теплых, не глядя, чувствовал: все ли в порядке или необходимо подсказать, а может и вмешаться. Рочеву техника пилотирования давалась не то чтобы легко – таких “легких” Сан Саныч опасался: они недолго растут, быстро успокаиваются, достигнув поставленных перед ними рубежей – в его действиях ошибки исчезали с той хорошей последовательностью, что обещала вдумчивого, уверенного в собственных возможностях профессионала. А было их сколько? Терял Рочев на заходе полосу, неровно строил “коробочку” над аэродромом, резко работал управлением, на снижении не доверял высотомеру и авиагоризонту – искал землю так, налично... Теперь он – ничего, гораздо лучше получают все элементы!

За стеклом кабины невидимый винт рассекал под размеренный моторный перестук облачную вату. Впереди, в рваных редких проплешинах среди туч, замелькала внизу темными пятнами воды Печора. От самого берега потянулись улицы Вуктыла.

– Вот и город вырос! – Теплых, погрузнев, проводил глазами кварталы многоэтажек, появившихся за три-четыре года освоения газового месторождения.

² НПП – наставления по производству полетов.

³ ВЛЭК – врачебная летно-экспертная комиссия.

⁴ АЗС – автомат защиты сети.

Рочев накренил самолет, дома нырнули под крыло, а правую сторону неба заняла цветная, заосенних тонов, тайга. От неожиданной ковровой красоты, очищенной от облачной серости, Теплыху стало тревожно. Так бывает в предчувствии, когда должно что-то произойти, случиться непременно, и будет ли это хорошим или, наоборот, огорчительным или, может, просто-напросто изменением в обычном ходе событий – еще неизвестно.

В наушниках зазвучал вопрос диспетчера, Рочев хозяйски ответил: “Рейс, мол, тренировочный, разворачиваемся обратно”. Сан Санычу захотелось пересесть вдруг на левое кресло.

Он уже и забыл, когда приходилось летать самому – инструктору полагается место второго пилота. После стольких лет оказаться справа нелегко, и Теплых не однажды порывался делать все сам, как делал сотни, тысячи рейсов. Некоторые молодые обижались, докладывали: не дает самостоятельности и так далее.

Видимо, дошло это до заместителя командира отряда Демина.

– Вы же сами знаете, Леонид Николаевич, – обиделся на начало беседы Теплых. – В училище летать их научили, дипломы не зря выдали... но они не умеют того, что и не к каждому с налетом приходит.

Демин согласился взглядом.

Несколько месяцев он отлежал в больнице после аварии с вертолетом, тонкости авиационного производства знает и летающих людей понимает. К тому же характер у него сопутствует умению поговорить, почувствовать запросы. В Теплыхе он видел, собственно помощника: инструктору служебным долгом вменено оглаживать начинающих, чтобы залетали потом они сами, по-божески. А профессионализм тут, как полагал Демин, не отделишь от душевных наклонностей и привычек. Летают точно так же, как и живут. Чего не хватает у Рочева? Заканчивать ввод или что-то мешает?

– Все есть у него – ответил Теплых. – Надо пускать самостоятельно. Держать вредно, а наряд на полеты поправит. Работоспособности у Рочева как у слона!

– Хорошо! – поддержал Демин. – Будем объявлять: еще один завершил учебу в школе Теплых?

– Это громко, Николаич...

– Зато истинно! – улыбнулся зам командира отряда.

– Но все же вы уверены в Рочеве? Что-то ничего особенного за ним не числится ни по оценкамверяющих, ни по личному делу. И командира экипажа в нем почему-то раньше не заметили...

– Николаич, в конечном счете, наше занятие зависит от того, какой человек управляет самолетом. Порядочный должен и летать порядочно, хотя бывает всякое... Насчет Рочева могу и ошибиться – я все же летчик, не педагог!

– С Вашим-то опытом?!

– А что? – усмехнулся Теплых. – Легче самому за штурвалом потеть, а не начинать каждый раз с пацанами! Заново осваивать небушко нельзя, не зная того, кто рядом в кабине. Рочев – нормальный в будущем пилот!

– Верю, верю – коротко признал Демин. – Мне, между прочим, пришлось с экипажем почти в одном составе быть... и понимаю, как сложно, когда кто-то новый. Я этих летунчиков боюсь!

– Не без этого! – поддержал Теплых. – Пожалуй, не стоит подчинять их своему характеру. Летунчики знают

неплохо – что и как. Как пловцы: Что руками делать, как педалить. Их как раз и надо учить думать сверх. Думать и ответственно делать, вот и все!

– Ну-ну, – улыбнулся недоверчиво замкомотряда. – Так уж и все?

– Все и не расскажешь – сказал Теплых. И сам все я не знаю. Никто не знает. Но стараюсь, чтобы в кабине было тихо, спокойно. Это – прежде всего. Иной раз кипит, шкварчит внутри – уж так бы сказанул, наверное, сам бы сделал, схватился за кнопки, а – нельзя! И убеждаешь, показываешь, терпишь. Потихую, не бегом – и находит, глядишь, он себя. Пройдет время – на “вы” приходиться к нему будешь, во-о!

– Что, обидно за себя? Они многие на реактивных уже, а ты все – “на винтах”, – перешел на товарищеское Демин.

– Привык. Хотя – было. Теперь радуюсь. Больше них. – Сан Саныч молча полез широкой ладонью в белые волосы, поёршил-поёршил и раскинул их, не приглаживая. – Так и должно по жизни: им повыше, подальше... Верить, Николаич, неважно мне на чем летать. Меня и “Аннюша” устраивает. Могу хоть по десять, по двенадцать часов... С годами, не зря говорят, притупляется все такое, а... мне в кабинке как будто только двадцать! Смешно?

Припомнив самовопрос, как и весь разговор, Сан Саныч, не придумав, чем отвести себя от появившегося хотения управлять самолетом, резко надавил кнопку СПУ⁵.

– Не обижаешься?

Рочев удивился поднятыми бровями. Чего это он?

Теплых смотрел на обозначившиеся прямо впереди опоры линии электропередач, на зигзагную нитку газопровода “Сияние Севера”.

– Через десять минут снижение! – Он машинально отметил время, высоту и скорость.

– Вы о чем? – недоверчиво спросил Рочев.

– Свободы не чересчур даю? – вопросно ответил инструктор. – Извини, коли перебор.

– Это ж прекрасно! – облегченно хохотнул Рочев широко распахнутым зубастым ртом.

Сан Саныч польщенно хмыкнул, потянулся лицом к форточке, не выдавая удовлетворенности. По курсу уже вытягивался сетчатый прямоугольник бетонки ВПП⁶!

– Давай, садись! – буркнул с одобрением.

Каждый из приходивших в отряд стремился вводиться у Теплыха, надеясь на то, о чем узнавал от предшественников. Сан Саныч руководствовался собственной методикой шлифовки – как можно реже вмешиваться. Пусть молодежь сразу ощущает себя: один на один с машиной, с землей, с небом – чего лучше?

Начальство, инспекторы, знали, разумеется, об этом, но опускали козырьки фуражек пониже. Понимали: хоть Теплых и нарушает, и сам рискует, но не было ведь ни разу ни поломок, ни разных темных фокусов с посадками и минимумами. Почти все, кто проходил такую школу, превращались в работающих командиров экипажей, называя потихоньку Сан Саныча “папой” – чтобы не принижать официальный авторитет вышестоящих отцов – командиров.

⁵ СПУ – самолетное переговорное устройство.

⁶ ВПП – взлетно-посадочная полоса.

Зарулив на край перрона, Рочев выключил двигатель. Оформил бортжурнал. На инструктора глянул с вопросом только тогда, когда стрелки приборов успокоенно уложились на нули.

С выводами по полету Теплых не спешил. Знал: и Рочев поглядит так, как все они смотрят после первой самостоятельной посадки. Это будет лучше всякой награды...

– Пошли, командир, в санчасть! – предложил, вздыхая, Рочеву. – Чего говорить лишнее – у самолета командир уже есть. А вздохнулось от того, что идти к медикам опасно.

Когда предупредили в отряде о ВЛЭК, Теплых сразу почему-то решил: всё, отлетался. По нынешним меркам, в общем-то, давным давно можно было бросить и работу эту, черно-соленую и неровную, и эти края – перебраться южнее. Кто он? Единственный, видать, на севере всё, кто вылетал по три ресурса на АН-2 и по три пенсии. Сейчас пилоты что? Полетают маленько, оформят положенные “тыловые” документы, квартирну-кооперативку обустроят где-нибудь, в гаражик колеса загонят на сохранение... В сорок-сорок пять заслуженный отдых привлекает большинство помощнее разных высоких запросов души. И зачем потом судьбу искушать? Небо – всегда есть, всюду, а денег оттуда все равно ведь полный фюзеляж не вывезешь, верно?

Три десятилетки с лишним отпилит Теплых по наизусть знакомым маршрутам, возил почту, грубоватую рюкзачную публику, ходил “по трубе” и по санзаданиям – говоря проще, извозничковал. Обыкновенное дело. О пенсии и льготах забот не было.

Довелось летать и с первыми разведочными партиями, что “распечатали” богатства земли Коми. И Вуктыл, и Усинск, и многие города-поселки появились не без участия Сан Саныча. На своей “Аннюше” не одно поколение молодых пилотов вывез, давая вне всяких графиков и планов заходы на посадку и взлеты в тесноватых местных аэропортиках. Ребята, понятно, рвались поскорее на элегантный ЯК-40 или на тонкотельный, изящно худой ТУ-134 – все же лайнеры, ковровая дорожка, стюардесса от имени всего Аэрофлота приветствует пассажиров, называя тебя командиром корабля, а ты – “движки на взлетный”, бери эшелон повыше!

Теплых сознавая это, не огорчался и не жадничал, делился всем, что знал и умел делать с самолетом – бипланом АН-2. Уважали его за такое бескорыстие беспредельно. “Наш папа!” – и это была правда. Все же из их домашнего, а не из служебного лексикона.

Услышав в эфире флегматичный “папин” баритон, каждый из экипажей передавал привет, подсказывал Теплыху визуальную обстановку по району и уступая очередь на заправку топливом при КВС⁷. Диспетчера-движенцы поначалу ругались, писали рапорта на отступления в радиосвязи и натуральную самодеятельность, но потом и сами незаметно стали выделять среди многоэтажного слоя летающих машин и рабочих эшелонов бортовой номер его тихохода, давая ветерану чуть больше внимания и времени.

И врачи не ставили ему в колеса палки, но на ежеквартальных осмотрах сколько раз медсестра Надечка, поправляя фиолетовые локоны, шептала:

– Что-то, Сан Саныч, погуливает давление!

Он останавливал сильно удивленные глаза и отшучивался, тоже шепча:

– Ничего, Надежда... Это годикам моим высоты у вас не хватает, да-а!

Он догадывался: медики потихоньку намекают. Все же лучше уйти самому и остаться для всех тем же Сан Санычем. А то будет Теплых списанный, то есть ненужный, непригодный.

Сознавал, но уход откладывал, летал по-прежнему жадно, заходя в самолет с тем же почтительным трепетом, что и тогда, много-много времени назад. Полеты для него были непередаваемы, непреходящи. Когда перед тобою небо-небушко, и оно – это все!

Перед санчастью он замурылкал под нос: “А жизнь продолжается...” Пропустив Рочева вперед, тоскливо шагнул за ним.

Слова санчасть, ВЛЭК для пилотов похуже зачетов и экзаменов, вместе взятых. Среди летающих святых нет, а о здоровье многие, к сожалению, вспоминают лишь тогда, когда оно дает повод. И если уж подошла пора медицинской проверки, каждый надеется, что несмотря ни на что, скрываемое тщательно от жены, друзей и знакомых, судьба пощадит и даст еще одну возможность остаться на летной работе. До следующей комиссии. Хотя кто знает прихоти судьбы?

– Ге-ен! Дерун! – позвали из глубины коридора, синей от толпящихся в аэрофлотовской форме.

Сан Саныч огорченно оглянулся.

Афишно-красивый, рослый старший бортинженер из вертолетного отряда развалисто проталкивался сквозь ожидающих, не оборачиваясь.

– Генка! – крикнули ещё, и нагловатые глаза Деруна нехотя принялись искать.

Экипажи тяжелых вертолетов выделялись даже внешне – неторопки, грузны. Не то что паренки с АН-2! И держались они как-то вместе, но при этом и обособленно от других. Элита!

– Чего орешь? Здесь! – самоуверенно отозвался Дерун возле Теплыха!

– Привязался! Сейчас бузить начнет! – Теплых посмотрел по сторонам. – Кто бы спровадил?

Пронырливого, умеющего все достать и сказать со знанием обо всем на свете, Деруна он не переваривал. Когда нужно что-то для себя, бортинженер умел и разок лишний попасться на глаза, и опередить поздороваться, и вопросик проблемный с интересом подкинуть вовремя. Странно, в аэропорту он был известен таким, но неуклонно поднимался по должностям, как по крутой гипотенузе: год побыл инженером по аварийно-спасательным работам, покрикивал, но повесил на лацкан ромбик какого-то неслышного института, выбил персональный, не по штатному расписанию, оклад. А сейчас – старший, других учит!

Оценив очереди в кабинеты, Дерун заводиться не стал. Прислонившись к стене, раскрыл свои бумаги для ВЛЭК и принялся изучать их. Судя по всему, ведущий специалист читал характеристику, заметил это Теплых по выражению лица. С “трудолюбием, настойчивостью, знанием материальной части и умением грамотно её

⁷ КВС – кратковременная стоянка.

эксплуатировать”, с этими качествами Дерун, кажется, вполне согласился. Дальнейший перечень вызвал открытое возражение.

– Сан Саныч – повернулся он – зачем так пишут: “Летать любит. Пользуется заслуженным авторитетом”? Кто из нас не любит? А, летуны, кто?

Гулко загоготал.

Теплых покорило.

На них поглядывали.

– Не удержался! – вспыхнул Теплых. – Ты ведь не летать рвался, а налетывать! Беленьким воротничком!.. На лобовом стекле в кабине перед тобой неба нет, а – зарплата!.. Рублики-и!

В зрачках Деруна мгновенно закипела разноцветная каша.

– Но-но, дон Кихот АН-двашный!.. Не будем романтику запикивать в кабину! И вообще – здесь ВЛЭК, а вы психуете сами и других... – он обвел вареным взглядом коридор, – нервируете... Не бережете дорогостоящие авиационные кадры!

– Трепло же ты! – чуть не вырвалось у Теплых, но он промолчал. – Действительно, все переживают в ожидании, а то бы!..

Как-то сел МИ-6 на тайгу. Друг Теплых садился, давний. Передал в Парму, что обрезало левый движок, потом сразу – правый встал. Приземлился почти удачно. Разбирались с предпосылкой долгонько, пришли к заключению, что отказ силовой установки был, но неясно скрытый. Поэтому необходимо исследовать на заводе блок топливной аппаратуры. Короче, экипаж не виноват, а раз так – честь ему и хвала за мужество и грамотные действия в сложной ситуации. Этим и закончилось: поощрили пилотов, в том числе и Деруна, – он тогда бортмехаником рядовым летал, – повышенными премиями, в отпуск отдохнуть отправили с хорошими путевками...

Быть может, и не узнал бы Теплых других подробностей, но другу пришлось перейти на земную работу – забарахлил собственный мотор, а медики разве пойдут на рискованный компромисс?

На проводах друг и высказался. Через полгода Дерун в собственном гараже проболтался другим “бортачам” между стаканчиками, что на том МИ-6 забыл топливную автоматику переключить. Из гаража донеслось и до отряда...

– Теплых! – позвали из кабинета. С испорченным настроением Сан Саныч открыл дверь.

Врач примерно равных лет показался ему слишком бледным или очень-очень белым. Было ли впечатление такое от непрямых, совершенно без складок как из отличного ватмана, шапочки и халата, или же ещё и от выцветших русых волос, блестящих фольгой, а может, привлекло тонкокожее, с незаметными следами возраста, белесое лицо, откуда бросали дотошный, скальпельный взгляд осветленные глаза, но Теплых удивился болезненности участника комиссии.

“Такой болячку в ком хочешь разведет!” – подавленно подумал, обнаружив еще и то, что врач с усилием опирается на трость.

Пухлогубая Надечка, смущающаяся от своей же грациозности и избыточного свивания столько мужчин в ожидании амнистии или приговора ВЛЭКа, улыбнулась

сочувственно манящим ртом. Подала терапевту медицинскую книжку Теплыха.

– О-о, ттезка, значит! – врач обрадованно оторвался от чтения, изучающе остро посмотрел на пожилого пилота.

Сан Саныч уловил лукавство. “Ещё и заика! – подколот себя. – Наклеит сейчас этикетку – и валяй, Теплых, отседова!”

– Скажите, тт-езка тт-езке, как на дд-уху – не поднимая головы, спросил врач. – Жж-алуется на что-нибудь?

– Нет, доктор! – Теплых сказал твердо. – Особых жалоб нет.

– Хх-орошо!.. ну, а не особых? – живо переспросил врач, окидывая прежним режущим взглядом глыбастую фигуру. – Да-авайте-ка пп-опробуем дд-авленьице!.. Рр-аздентесь!

“Черт хромой! С ходу и в дамки!” – расстраивался Сан Саныч. Стало даже как-то все равно. Не зря поговаривали, что в этой комиссии особенно строг терапевт. И фамилия у него непривычная – Грек! В других аэропортах он, мол, узнавал не глядя, в каком состоянии детали организма. Мужские грехи распознает так, как никакая жена не умеет, а по сердцу – Бетховен! Кардиограммы читает как октавы, потому и зверствует беспощадно. Чуть что не так – ставит резолюцию “К летной работе не годен”, а ее и министр не исправит!

Дальше Теплых уже и внимания не обращал, что и как поступает с ним врач. Поворачивался перед ним то заросшей, с седой курчавой, широкой грудью, то плечистой спиной, коротко отвечая на расспросы, приседал, прыгал, дышал, не дышал по команде. Снова поворачивался, подпрыгивал, доставал носки ног, задерживал выдох...

– Тт-езка, с кк-акого же гт-ода вы лл-етать стали? – спросил доктор, больно ощупывая ему живот. – Пп-охоже, вв-оевали?

– Из аэроклуба прямо в истребители – не улавливая причины и непонятно на что сердясь, медленно проговорил Теплых. – С самого начала.

– О-о, тт-ак мы к тт-ому же и кк-оллеги! – в глазах терапевта светлота смягчилась. Что-то обжигающее и глубинное, теряя яркость как в тумане, заярчело, угасло. – Не-е пп-оверите, но я тт-оже истт-ребитель. Бб-ыл, конечно.

Он некрасиво заулыбался своему, продолжая перебирать листы книжки. Когда обследование закончил, отошел, прихрамывая, к столу записать результаты.

– Пп-равда, чч-уть-чч-уть – добавил доктор. Ему, похоже, приятно и легко встретиться с таким вот ровесником, к тому же и тезкой. Нынче, хоть и положено беречь участников Великой Отечественной, но летающих бывших фронтовиков не найти. Тем более – истребителей!

– Нн-а пятом вв-ылете свалил меня пп-сих кк-акой-то – задумчиво объяснил он, откладывая ручку. Стукнув о пол тростью, трудно встал. – Лл-ихо отделался: бб-ез нн-оги тт-олько...

– Где это вас? – уважительно поинтересовался Сан Саныч.

– Нн-а Зз-ападном, – как бы заканчивая на этом разговор, ответил врач.

– Был и я на Западном, – хотел поддержать беседу Теплых, но врач посмотрел в упор внимательно и жестко.

– Изз-вините, тт-езка, дд-ать “добро” не мм-огу. Пп-рава не имм-ею.

Под левой лопаткой у Теплых сразу задергалось. Будто голодный, злой червяк попал туда: то куснет по ледяному, то поползет горячий, а то засядет в одном месте, всасывает, щекочет.

– Пп-ощадите себя, пп-одыщите зз-анятие вв-низу – слова доктора доносились слабо и как издалека. – Нн-аверное, и хх-ватит среди облл-аков лл-азить?

Рано или поздно такое для него прозвучит. Теплых понимал, но все же оторопел. Может, выйти ему, посидеть, усмирить давление? Или даже перерыв сделать в полетах, на полгода, на год! Но после-то...

– Тт-акие кк-ак вы – вв-ыносливы! Очч-ень! – терапевт прибавил громкость, в глазах у него отчетливо проступил стальной цвет. – Нн-о, пп-оймите, тт-езка! Вв-сё же нн-е кк-ирпичики тт-ам вв-озите, а?

Ничего больше не воспринималось. Неба больше нет. Совсем нет. Можно было вернуть из памяти любой из его полетов, каждую посадку – хотя их было огромное число, и не всегда взлеты и приземления совпадали. Всякие были рейсы. Учебные, санитарные, транспортные, патрульные. Были и боевые. Иногда неудачные...

Летчик, как никто другой, оставляет их не в себе – короткие и продолжительные, обычные и не без сложностей. Сколько времени ни пройдет, а они – внутри. Как на полетной карте. Увидеть условный значок на ней, заметить знакомое название населенного пункта или изгиб речушки, вершину горушки – и все вспомнится...

– Так тем и живем, доктор, что летаем! – безнадежно вздохнул Сан Саныч. – Ведь ничего другого не мастера! Куда теперь – под телевизор?

– Нн-ичего, нн-ичего! Сс-иленки есть, рр-аботу нн-айдете! – терапевт прищурился на пилота, надевающего вязанный свитер, в котором ходил под кожанку в нарушение приказов о форме одежды. – Пп-осле Кк-асыли я тт-оже тт-ак... Тт-олько пп-риговор сс-ебе лл-ежа слушал!.. Нн-а тт-ого пп-сиха, зз-наете, и не зз-люсь уже!.. Я хх-оть жж-ивой, а он, интересно, гт-де?

– Что, наш был? – Теплых и прежде слышал, в истребительском полку, и после Победы, о самых невероятных случаях, когда свои подбивали своих же. В мясорубке воздушного боя вырвавшийся снаряд не выбирал, куда воткнуться, и бывало – чего уж молчать – подранивал крепенько не чужие фюзеляжи и хвосты. Происходило такое нечасто и считалось досадной невероятностью. В донесениях писали честно, что погиб смертью храбрых...

Врач напрягся. Показалось, что не такой уж он и бледный. Скорее всего, лицо его, заглаженное с точно очерченными линиями, приучено не выдавать переживание боли.

– Дд-умаю, дд-а! – горько усмехнулся он. – Тт-у пп-ару ЯКов сс-воими гт-глазами вв-идел!

– Номера, бортовые номера не помните? – поторопился спросить Теплых, сам прекрасно понимая, что бой на то и бой, чтобы начаться неожиданно и так же

внезапно оборваться. Какие там номера? Спустия ещё такие годы!

– Вв-ы скажете! – доктор провел по щекам кончиками пальцев. – Мм-ожет, пп-ро нн-осы у летчиков еще спросите?.. Пп-омню мм-ало. Вв-от, зз-апах пп-аленых вв-алос бб-ыл!.. А вв-ы сс-ами зз-наете, кк-акие тт-огда пп-рически нн-осили пп-од шш-лемафонами...

Он вытащил из-под зашуршавшего халата кривую вишневую трубку. Не зажигая, пососал. Поколебавшись, засунул в карман.

– Пп-отом очнулся: тт-ащит сс-олдатик. Мм-атерничает изящно, но вв-олокет!.. Кк-онопатый, пп-о – мм-о-ему... Нн-у, отт-лежался по мм-едсанбб-атам, по госпиталям. Чч-ика в чч-ику – дд-ва гт-одика!.. Дд-а. В Кк-ургане вв-ышкандыбнул, и -чч-то? Кк-ривой кк-алека, дд-вадцать дд-ва, сс-пециальность – нн-оль. В общем, вв-ыщарапался. Пп-оучился. В эскулапы, вв-от, пп-ришел. Дд-аже сс-емью зз-авел!

Сан Саныч решил было, что врач ни с кем, скорее всего, не делился об этом. В интонациях, неспешности и какой-то снисходительности к себе не услышалось ничего похожего на повтор. Старейший человек, повидавший немало бед людских и горя, не подбирал более красочных выражений, отдавал только самое главное.

– Зз-наете, тт-езка, пп-оймете: тт-ак тт-януло в авиацию! Вв-ас вв-сех пп-онимаю! Пп-оэтому и пп-опал пп-оближе, пп-офилтровать вв-ашего бб-рата.

Стало тихо.

Теплых спрятал лопатистые ладони в кожанку. Плечи просели, оказались ниже. Только что его признали непригодным к тому, чем он занимался с юности до сегодня. Этот доктор, пускай и сам в прошлом летчик, и даже попал когда-то в переплет, забрал у него возможность и дальше жить всем тем, что составляло саму жизнь. Захотелось с размаха стукнуть по столу, чтобы разлетелись эти все баночки-скляночки с ровненькими бумажками, стаканчики с инструментом, с ручками-карандашами! Пусть ищут что хотят, но он летать ещё может, может! Дернуло же этого хромьяка чертового сюда заявиться!..

Теплых протяжно, грустно перевел дыхание и неслышно потянул “молнию” под подбородок.

Мягко прикоснувшись, врач задержал его.

– Нн-у, тт-езка, извините! Мм-ой дд-олг сказать пп-равду о вв-ашем зз-доровье... Пп-осоветуйтесь дд-ома, с нн-ачальством – вв-ам пп-омогут нн-айти зз-анятие. Пп-оверьте, лл-учше сс-делать это сс-ейчас. Тт-ам, – он пророчески поднял указательный палец, – мм-ожет вв-сякое пп-роизойти, а жж-ить охота вв-сем. И нн-адо жж-ить, вв-ерно?

Без стука приоткрылась дверь, просунувшаяся голова Деруна, несмотря на сердитый запрет Надечки, поводила любопытно. Позади спросили:

– Что с ним делают? Чего долго?

Теплых подавленно отмахнулся, дверь закрыли. Приставив к столу трость, и не присаживаясь, терапевт расписался в медицинской книжке, закрыл, придавив рукой. Встретившись с угасающими глазами пилота, закашлялся.

Болезненно повернувшись, быстро и цепко пожал его ладонь.

– Дд-о свидания, тт-езка!.. Изз-вините ещё рр-аз!.. нн-адо и дд-ругих осматривать...

Выйдя из кабинета и ощутив тут же вокруг себя сочувствие, Теплых заспешил на улицу. Его раздражали разговоры, то, как расступались, пропуская, пилоты.

Фименко, вечный второй с МИ-6, постоянно замкнутый, а в отряде и вовсе признанный молчун с “перекошенной крышей”, даже плоский рот у него казался заклеенным, подвинул свой стул:

– Посидите, Сан Саныч!.. Меня опроцедурят, вместе и потопаем, а?

Тут же объявили его фамилию, и Теплых, слабея, сел.

Рядом топтался Рочев, не зная, что сказать и как помочь. Теплых попытался улыбнуться побезмятежнее, но вышло кисло, и он отвернулся.

Дерун разбирался в характеристике до сих пор.

– А у тебя я пользуюсь заслуженным авторитетом? – многозначительно обратился он к полному, обиженного вида, штурману.

Тот замялся, приминая ниже груди форменный пиджак:

– Не серчай, Ген. У меня при себе только червонец!

– Да не нужны мне деньги твои! – взвизгнул Дерун. Я знать хочу, пользуюсь ли у тебя – он ткнул в желтую пуговицу на выпирающем животе – авторитетом! У меня так написано...

– Само собой, Ген! Ты – старший спец! – Штурман облегченно согласился, наполняясь опять обидой. – А у тебя я как, пользуюсь? – встречно спросил обеспокоенно.

– Не-ет! – признался Дерун. – Нет! – и в подтверждение распрямился, убеждая обладанием золотистых наплечных нашивок по категории выше штурманских.

– Тогда и ты... нет? – скривился штурман. Складчатый, полысевший его затылок осел, будто вся шея упряталась в туловище от огорчения.

Теплыху стало за него неловко. “Хруля!” – не раз он слышал его голос в полетах – лаконичный, уверенный. А здесь?

Дерун уже перешел к радисту, вытянутому и плоскому, как общепитовская вилка.

– А у тебя, Рамис, я имею авторитет? Только – правду!

– Правду? – почти закричал, наливаясь краской, утонченный Иббадулин. – Я всегда делаю по правде! Ты не знал? Тебе когда-нибудь неправду давал? Кому давал, скажи? Ты смотрел, слушал? Кто знает? Покажи! Свидетели есть?

Теплых невольно повеселел от разволновавшегося исполнительного парня.

– Не шуми! Мне проверить нужно, – необычно ровно повторил Дерун. – Для тебя я значу? Авторитет есть?

– Тебе скажу честно, – Рамис поостыл, – не знаю! Не знаю, уважаемый! Если пользуешься авторитетом, то зачем? Что ты имеешь? Что он дает тебе? Скажи, я тоже захочу! – Радист ничуть не смеялся, качая остриженным седеющим чубчиком под коридорной шаровой лампой. – Скажи, дорогой, а!

Тут же смягчился:

– Не сердись, уважаемый начальник! Мне правды никакой не жалко. Только и ты не жалеи, пользуйся

авторитетом своим на здоровье, сколько хочешь. На нас всех хватит!

Пилоты засмеялись.

Появилась медсестра. Наманикюрными нежной алостью пальчиками степенно перебрала прижатую к бюсту стопку бумаг, отыскала список.

Лыбясь, Дерун подплыл к ней с тем же вопросом.

Сомневаясь – это из незнакомого анекдота или еще какой-нибудь подвох – Надечка замешкалась. Наконец, найдя удачное решение, одарила всех поровну покоряющей “шпилькой”.

– Безусловно, Дерун, вы – авторитет! Да и как без него? На работе вы трезвый, при командирах лишнего не брякнете, не плюете где попало, курить бросили... За лексиконом следите, не то что некоторые ваши... Никогда и ни в чем не виноваты, да! Серьезно интересуетесь служебными взаимоотношениями и... женой одного подчиненного. Но лучше спросите об этом у Демина. – Медсестра устремилась в кабинет. – Он, кстати, сюда идет!

Деруну не оставалось ничего другого, как, пожевав маслянисто блестящими выпуклыми губами, объяснить подошедшему зам командира отряда:

– Не понял. – Отодвинулся от него Демина. – А вообще дайте-ка бумаги!

Он бегло перечитал их.

– Придется поправить. Тут не отмечено, что вы излишне заботитесь о впечатлении от себя. Что имеете слишком высокое самомнение, и, значит, неуверенны в себе, – заключил Леонид Николаевич хрипловатым баском, не дающим повода на отступную.

Выдержав паузу, добавил:

– Комиссию пройдите завтра. А ко мне... – он близоруко приблизился к циферблату часов, выдернутых за цепочку из кармана, – зайдите, пожалуйста, через... сорок минут, ясно?

Сан Саныч видел, как, багровея, набухли щеки у Деруна, как, отведя глаза, прошептал зло вслед.

Отдуваясь довольно и застегиваясь на ходу, появился Фименко. Спрашивать у него не надо – пропустили.

– Поздравляю! – кивнул ему Теплых.

“Без ограничений!” – “вечный” второй не скрывал состояние. Сан Саныч заметил: у него вполне молодежавая осанка и интересное, привлекающее выражение во взгляде. “Повезло мужику!” – щипнуло слева, и невольно захотелось на свежий воздух.

– А он вас просит зайти! – показал Фименко на дверь.

– Зачем? – напряженно удивился Теплых. – Хватит, все-все понятно вполне!

– Да вы зайдите! – Фименко подтолкнул его. – Может, ошибка вышла...

Опираясь на трость, врач шел по кабинету навстречу.

– Мне пп-оказалось, тт-езка, вы хх-отели сс-казать что-то ещё?

– Да нет, доктор. После вас чего скажешь? За такое не благодарят, конечно, но... – Сан Саныч остановился, не отпуская дверную ручку.

– Пп-проходите бб-лиже! – почти потребовал врач. – Если вы не дд-оверяете мне, м-ожем нн-аправить на цц-ентральную кк-омиссию. Пп-ойдете ЦВЛЭЖ, ещё рр-аз

пп-роверитесь, – предложил терапевт. – А тт-о пп-роклинуть бб-удете мм-еня...

Теплых неопределенно повел плечом. “Конечно, буду”.

– Я верю вам, доктор. – Говорить вообще не хотелось, но и уходить отсюда, несмотря на неприятные полчаса, становилось почему-то непросто.

Терапевт говорил о чем-то еще, но Сан Саныч не слышал. Смысл говоримого перебивал сам голос – характерный, кажущийся почему-то давным-давно знакомым.

– Нн-ет, пп-ервый рр-аз зз-десь – врач опирался обеими руками на трость – нн-икогда в Пп-арме нн-е бб-ыл. И в эфф-ире, тт-езка, тт-оже нн-е бб-ыл. С того бб-оя нн-икогда!

– А как вас сбили? – Зачем он спрашивал, Теплых не смог бы объяснить ни себе, ни этому человеку, никому. Наверное, бывают моменты, когда не хочется уходить даже от принесшего тебе не радость. Сейчас сложилось такое состояние – надо узнать судьбу летчика, бывшего, кому тоже не повезло, но зато удалось остаться в живых. Кто знает войну, не любят ее пересказывать, хотя и держать в себе уже слишком больно.

– Сс-лышали пп-одобное? – засмеялся доктор. Зашуршав халатом, откинулся, прикрыл веки. – Сс-ентября дд-вадцатого. Гг-ода сс-орок тт-ретьего, – продолжил он сухо, взгляд стал режущим. – Вв-едущему мм-оему бб-ензопровод пп-робили, пп-отек опасно. Сс-ел на бб-ерегу Кк-асыли. Пп-прямо, у сс-амой вв-оды. А я дд-омой пп-ошел, за мм-ехаником... Увидел “юнкерса” и... увлекся. А чч-его? Вылет вв-сего пп-ятый! Нн-у, шш-уранул он меня по нн-осу. Хх-орошо, нн-е зз-агорелся!.. Мм-ашина еле сс-лушалась – вв-ой гг-ад! В нн-его вв-елась бб-окомплект вв-огнал, дд-умал: сс-обью вв-се-тт-аки...

Доктор ожил. Он не напрягался, возвращая сюда несколько тех минут, которыми закончилась для него одна война и началась иная.

– А он, гг-ад, лл-етит и лл-етит! Я уже нн-а тт-аран дд-аже рр-ешился, а чч-его? Вв-от и шел сс-зади, лл-овил мм-омент. А тт-ут кк-акая-то пп-ара сверху вв-ыскочила. Пп-окрутилась, я их вв-идел, и со вв-торого зз-ахода рр-убанула. Пп-очему-то мм-еня сначала, пп-отом фф-рица...

Он припоминал что-то и дальше, показывал ладонями. Лучисто поблескивали его зрачки, пробуждалось давно молчавшее в нем и теперь жаждущее выявиться, вылиться, найти понимания, но, главное, породить желание и в Теплыхе беречь прошлое. Но Сан Саныч, не спрашивая, и сам возвратился туда, где был сейчас доктор.

... Приземлившись, он отстегивал карабины парашюта, когда оружейник, спешно забравшись на крыло, прокричал:

– К бате, товарищ капитан! Срочно-о!

Теплых – полубегом по тропинке к землянке комполка. Отсыревшая от свежего пота гимнастерка натирает у ребер, планшетка бьет по коленкам, шлемофон прыгает на затылке. Прибежал, доложил.

Командир полка ткнул черным ногтем в потертую карту.

– Звиняй, Санек! Нужно, знаю, передохнуть, но... У соседей, звонили тикы, ни единой машинки на

аэродроме, а бочком у них топает “юнкерс”. Как дома у себя, на Немеччине! Один! Звонят, на Витебск пошёл. Прикрывает его ястребок, похоже нашей конструкции... Ты, Санек, возьми кого хочешь, но сшиби! На-адо, Саня!

Минут через десять после взлета Теплых парой вышел в нужный район.

Фашистов не было.

Смотрели в четыре глаза кругом ещё и ещё. Ага, вот они!

В просветах кучевых, громоздящихся вверх облаков, шел бомбардировщик. Как-то, почти вперевалку, болтался ЯК.

Не раздумывая, капитан зашел классически – сверху. Сзади – фашисты, не замечая, летели заданным курсом. Выжал короткую очередь. Слово перчатку бросил.

С “юнкерса” огрызнулся стрелок, но не достал.

Вскоре обе машины, бомбардировщик и прикрытие, стали пропадать в облачности.

– Так и удерут! – энергично повернув, Теплых, не сдерживая нажатие гашетки, ударил сразу из обоих пулеметов по ЯКу.

“Я Грек! Каспля!” – донеслось в его шлемофон оборванным криком. Вздрогнув, ЯК клюнул и, задымив, потянулся круто вниз.

Второй очередь Теплых продырявил хвостовое оперение “юнкерса”. Выйдя из разворота, ни капитан, ни его ведомый фашистов не увидели.

По прилету Теплых доложил о выполнении задания. У полкового переводчика спросил, что за “фрех” или “грек” может быть такой, о ком заорал немец. Оказалось, что “фрех” – наглец. Оскорбился, получается, дейч от русского рукоприкладства. Но почему кричал он: “Я – Каспля”?

Потом и этот бой затерялся среди других. За Витебск Саня Теплых получил “Красную звезду”, третью. Между прочим, ее-то он и не сумел поддержать в наполненной за столом кружке. Не удалось: дважды потом горел, снова летал... С фрицами счет свел к вполне приличному балансу – десять сбитых своей рукой, ещё в группе шесть крылатых. На Героя даже представляли, но бумаги где-то не добрались.

Промелькнуло это как кадры прокрученной пленки, черно-белой, изорванной, но не немой. Чудилось, что опять здесь, в кабинете, те же звуки, те же запахи, тот же тянущий, по-мальчишечьи, вскрик: “Фрех!”

– А вы-то как оказались на привязи у бомбера? Что кричали по рации? – переспросил Теплых доктора.

Врач непонимающе замер.

– Вы что-нибудь кричали по-немецки? Фрех? – настойчиво спрашивал Сан Саныч.

– Кк-акой “фрех”? Нн-е пп-омню – терапевт осторожно задвигал головой. – Кк-кой “фрех”? Я – Гг-рек! Гг-рек! – И, догадываясь, прошептал: Вв-ы? Пп-ациент, тт-езка и вв-ы?

Сан Саныч зашумел “молнией” вверх-вниз.

– Выходит, сшиб вас, доктор, я!

Не соображая, медсестра глазела на них, отошедших к окну и потерявших чувство времени, пространства... Они касались друг друга, жали руки, летали ими, путали “вы” и “ты”, и говорили, говорили...

– Тт-ебе засчитали мм-еня? – ошалело щурясь, спрашивал недоверчиво доктор.

– Конечно! Что, приказ НКО и ВВС⁸ забыл? Всем же довели под расписку! Про вылеты боевые! – оправдывался Теплых.

– Пп-рости, нн-е пп-омню...

– Был приказ, был!.. Считать боевым вылетом для истребителей только такой вылет, при котором они имели встречу с воздушным противником и вели с ним воздушный бой...

– Тт-ак разве для тт-ебя это бб-ыл бб-ой!? – удивился врач. – Тт-ы, что, зз-вездочек нн-е вв-идел на мм-оём ЯКе?

– Видел – согласился Сан Саныч. – Но, учти, ЯКи в одиночку не ходили! А после Ярцева и Смоленска злости столько было, сам знаешь!

Он хотел подчеркнуть, что доктор нехорошо как-то болтался за “юнкерсом”, но не решился корить его.

– И я был злой! Подумал, что ЯК – трофейный, прикрывает с обманом. Делали фашисты так не раз...

Торопливо и ошутимо припадая, терапевт захромал вдоль кабинета. Остановился посередине. Трость опустил сильно, как выстрел.

Осмотрел Сан Саныча от макушки до ботинок.

– Вв-от это зз-накомство! Это пп-агент! Тт-езка! – Он хохотнул по-мужски заразительно. – Нн-у и тт-езка! Нн-е пп-оверят жж-е!.. Нн-о на вв-ас я не в обиде! Нн-ет! Сс-ам вв-иноват, сс-ам! Пп-тенец бб-ыл, мм-ог бы и тт-ю, тт-ю, дд-а?

Удивленно и бессловно прослушав, Надечка, не высидев в углу, выскочила в коридор.

Не раз открывалась дверь, назойливо заглядывал и не понимал происходящего Дерун. Округлились глаза пилотов, глядевших, что впервые при них происходило на комиссии.

В тот день терапевт больше никого не принимал.

С тех пор, в начале мая, диспетчер аэропорта Теплых Сан Саныч получает ежегодно телеграмму со словами “Поздравляю тезку... “ А когда в отряд приезжает очередная медкомиссия, командир экипажа самолета ЯК-40 Рочев спрашивает:

– А терапевт кто?

⁸ НКО и ВВС – наркомат обороны и военно-воздушных сил.

ТОЧКИ РОСТА

Как иногда кажется, данность наша определяется скорее не каким-то значительным событием, одним или несколькими, но – мелкими обстоятельствами. Ливень их, может капелька-две, тоненькая цепочка, либо даже болото целое – кому как достанется.

Конечно, бывает куда сложнее самых глубоких его осмыслений. Не зря говорят: умом живут скучные. Если уж и размышлять, так чтобы делать всё личным, судьбой собственной...

Отлетав саннорму, я собрался забросить себя куда-нибудь в незацивилизованные места, на юге. То, чем и как пришлось последние месяцы заниматься на винтокрыле-грузовике, виделось как, собственно, и весь полуостровной Ямал, черно-белым. То, чего хотелось сейчас – цветным, ярким, манящим.

Часто говоря Лю, что мне нравится тихое посещение природы, убедился: да, оно помогает как противовес каждодневной угнетающей текучке, стрессам. Заберешься в горы, в лесок заповедный, налазишься, выбродишь, посидишь, и вновь появляется ощущение благополучия. Надеюсь, что рано или поздно и Людмила выберется из своего панциря, овладев таким же ключиком существовать не в борьбе, не с бесконечным “должен” и не в удовольствиях – с признанием и того, и другого, и третьего. До сих пор, между прочим, не замечал её развлечений. Для нее жить – лишь часть работы.

На этот раз изменить родному Аэрофлоту. Надоело спешить. Захотелось не уплотнять время, а посидеть спокойненько у вагонного окошка, насмотреться. Побывать в людях, поглядеть на них как на себя, вблизи, под ритмичное покачивание.

... Так и случилось.

– Месяц теперь остался. Тридцать суток, и не станет у меня никого-о! – он замолчал. Обреченно махнул разладоненной рукой, ушел в купе.

Было довольно поздно.

Поезд мчался, пересекая зачернившуюся тайгу, проскакивал мимо редких полустанков, одиноко дремлющих поселков, пустоватых, в пару фонарей, станций, и никак не мог добраться до той черты, где спрятался день. Мерный перестук убаюкивал, но не спалось. Я поругивал себя за то, что не сумел приободрить человека. Делясь болью, он-то и рассказал, чтобы поняли его, поддержали сочувственно. Иначе, зачем отдавать тревожащее тебя незнакомому.

Я перебрал все сначала.

... В тамбуре было свежо, сквозило, но худявый парень в распахнутой джинсовке не замечал прохлады. Упрямо поджав выпуклые губы, он отрешенно застыл, безотрывно глядя в темень. Лишь когда пронесся, стремительно распарывая ночь вспыхивающей очередью огней и грохота, встречный состав, парень отодвинулся от стекла. На озябших щеках заметно подрагивали капельки...

“Похоже, добр, – подумалось. – Огорчен, даже крепко. В себе... как закрепленная беспощадность”.

“Неудача, – понял я по-своему. – Вроде, должен быть и настойчивым!”

Парень резко обернулся. Как на новый источник звука. Да, настойчивость в нем есть. Но самое опасное, то, что искажает лица, тоже присутствует. Потерянность у него не изменилась. Не сразу уловив вопрос, непонятно качнул шевелюрной головой.

– Чего же кисло так? – повторил я обращение.

Парень коротко, измеряюще, глянул. Настороженность немного ослабла.

– А-а.. Просто... всему-хана! – отрывисто, не вынимая рук из куртки, проговорил нехотя. – Действительно, лицемеры везде, ложь-ё!.. Где то святое? В библии если только...

Заявление категоричное, но я не поддержал.

Безразличным голосом он продолжил потерянню, не обращая внимания на мою реакцию:

– Не так мечтал, не так. Отпуск же первый! Только-только женился. Эскадрилья сказала: – Оленька – клад!..

Я кивал, слушал. Вообще-то не очень общительный, тем более с неведомыми, раскрываться вот так первому попавшемуся – я не смог бы, точно.

Парень уточнил убежденно:

– Нет, она – очень!.. Красавица, умеха... О-о! Только, увы, уже... – Не договорив, провел нервными костистыми пальцами сверху вниз, стирая с усилием прежнее выражение. – На свадьбу пригласил командира экипажа. Свидетелем... Хорошо тосты говорил Жорж Иванович, со смысло-ом!

Он заторопился.

– Тут полеты понеслись. Я – на вертолетах, а это – сплошь командировки. Улетим, сам о ней волнуясь, письма домой переправляю. Ребята ха-ха, а командир бодрит. Не жуй, мол, себя. Привыкай не тосковать. Жены у летунов всегда одни, всегда ждут-дожидаются. Не знал я, почему он так посмеивался...

– Из недавних училищников – прикинул я. – Раскидали по отрядам, и этого не приметил.

Чуть перерыв, он индбеседы затевает.

– Каким должен быть второй, а? Что, не выучили, пилотка – вертолетка? – По его тону соображаю, о ком идет речь, но некая. – Должен быть всегда-всегда вежлив, тщательно выбрит и напорист. А что уметь должен?

Парень передавал манеру своего командира весьма недурно, мне было уже непросто сдерживаться от смеха.

– Мужики лыбятся, советуют. Спрашиваю: “Из “Наставления”, что ли?” КаВээС⁹ гнет свое, трясет рабочей книжкой командира воздушного судна. “Э-эх, салага! Должен уметь подойти верно к посадочной площадке, к столу, к бабичке... и – к кому? – к командиру!” В общем, запись себе делаю: стажировку прошёл, опыт – наживешь.

Бывалось и мне с этим мудрецом. Не забуду его ликбез сотню лет!

⁹ КаВээС – командир воздушного судна.

– Ко сну забудешь про башку, про усталость. Нахочемся, но не по легкому, как-то. Карты, нарды, анекдоты, храп¹⁰ – по кругу-у! Инженер как-то приезжал на регламент, Баженов – во, само-о-вар! Переберёт, закуняет в тарелки – все! Никильчин приказывает: “На выход!”. Мужики кругляшку хватъ, бреющим за все конечности – за дверь. У балка пилотского, за углом, сугробище – до трубы! Вот туда его – ффу-ушь! На полчаса. Никильчин по секундам отмерит – Баженова обратным курсом. Дру-у-угой!

Оживившись, парень блеснул каре, ломая подпрыгнувшими бровями ровную чистоту высокого лба.

– А мне всё: “Молодец!” По несколько раз скажет. Большая удача, когда женщина подходяща. Живёшь-живёшь, и силы прибывают. Растешь, жаждешь! Дышать, бывает, легче даже и под фуражкой толково всё, разложено. А то бывает и наперетак – согнешься... до карачек! Подсчет как сила вражья, подрежет во всем. А мы что? Мы – крестьяне, наша деревня – воздух, мы – птахи перелетные, а поле, поле – тоже там, над нами. Так что, второй пилот Генвасич, велико – большачье счастье, когда бабенка по тебе!

Парень, горько усмехнувшись, утихомирив горячее дыхание. Почувствовалось отчаяние надломленной души.

– Чего-то не везло: погода, заказчик, неисправности. Сидели долго, а он – натаскивает. Если, мол, в граммах измерять, нужно, чтоб мучились по нас, пока мы среди облаков шлындаем. Но, главное, не мешали чтоб, когда сядем. Чтоб не висели перегрузом!.. Пороху, говорит, тратим столько, а потом, сами же, в мышеловку еще, дома... И учти, Генвасич, покоя тебе не сотворят тоже. Чем держать будут, знаешь. Не-е, дорогой... Тем, что ты повека!.. По-ве-ки! Кожей, мол, воспринимаю: та-ака-яя!.. Бабичка-а, во-о!

Он рывком задергал замком куртки вверх-вниз.

– Замелькает в нем наглеца, волосы белесые раскопнятся – загорелся! Поддевал многожды: меня, мол, сладостями не корми, но – отдай! Чтоб – в жменю, всю! Э-эх, подержался бы за органы управления, располосовал бы, пораскидал...

Я начал догадываться, что стряслось у молодого вертолетчика с юной открытой шеей.

– Как-то на базу вызвали его. А мне – с инструктором долётывать, заходы отрабатывать. Ну, обрадовался, написал, попросил с конвертом к Ольге зайти, чтоб побыстрее почты. “С удовольствием” – пообещал он. А когда вернулись в Ухту, узнал, что он не только переждал, что и... – парень закусал сухие губы. – В общем, после она... расплакалась. Будто я погулял. Был у погодницы на Харасавэе, с метео. И сразу – на разво-од! И что я мог поделаться? Оправдываться стыдно. Я бы всю эскадрилью привел бы домой, чтоб доказать... Хотя нет, не всех...

Вагон потряхивало ощутимее. Пришлось взяться за поручень – холодная круглая сталь пронзила стылостью, но придала устойчивости.

– Развернулись разными бортами. Вот и еду сам, а он – там. У нее! теперь понимаете меня?.. Перед выпуском показывали по телеку: пилот первого класса, ас, настоящий профи! Госпремия... Я сумел распределиться, попал к нему. Попа-а!.. Да, спец! Машину чует, не боится ничего. Судит обо всем громко

и гулко. Малосемейку выбил... нам. Кому “жигуль” потребуется – ключи кинет, езжай! Свой... для своих! На собраниях-разборах как выступал: “экипаж – одна семья!” А сам? Ворюга-а...

Мы стояли, покачиваясь, сведя опустошенно взгляды в отблескивающий непрозрачностью прямоугольник. Показалось неловким расспрашивать дальше, я затерзался, чем завершить такой монолог.

В тамбур, закуривая, вошли двое. Парень посмотрел на них с сожалением и, не прощаясь, шагнул в не закрывшуюся дверь вагонного коридора.

Я ушёл тоже. Пролетающие огни ослепляли на миг, промчались – и ещё смолистее полуночье. Туннельная нескончаемая стена деревьев, столбы с бегущими волной нитками проводов и остывший, в осенне-богатой россыпи звезд, небосвод. Там – тишина, безмерность какая, какое спокойствие в этом вечном небе! – виделось мне с подушки. И совсем не помнилось уже, что только позавчера потел в нём, отыскивая, как спасительный маяк, желтое пятно заснеженной буровой. В казенном полумраке пассажиры спали, и невольно слыша их разное умиротворенное посыпывание среди рельсовых ступков, думал: парень наверняка лежит без сна, и надо было бы побыть с ним ещё. Успокоить, убедить – тем и помочь. Утром, решил я, скажу. Может и хорошо даже, что раскрылось быстро. Неизвестно, кому повезло, и что произошло бы дальше. Разумеется, просматривалось в этой ситуации куда больше. Парень стремился отстоять, защититься – это точно. Призывал товарищей на помощь, на помощь наверняка. Но если бы он предположил, что ей, Ольге, вовсе не нужны доказательства мужниной верности, что она ухватилась как за соломинку именно за ложь, за заведомую ложь. И зачем. А хотя бы для самой себя. Возможно, и не поверила бы командиру, но зашла уже далеко...

Парня надо поддержать: значительного он не лишился, жизнь – продолжается. Но сказать ему что-либо мне больше не удалось. Совсем не потому, что он сошёл по пути до рассвета. Ему, верилось, не требовались уже слова, избитые и назидательные. И открывать, что я узнал Никильчина, было не обязательно. Человек воистину соответствует его поступкам, а о них, никильчинских, наслышался не только я.

Вертелся оправдывающий кинокижковатый намек на все вопросы: “А если любовь?”

Но, считал я, если была она, посетившая обоих и покорившая, заставившая броситься друг к другу, позабыть о принятых условностях достоинства и порядочности – тогда все бы оказалось чище, выше. И честнее. Парень, к тому же, и застенчив. Но это, скорее всего, от не осознанности других мнений о нем. Как только они выразятся – страдание закончится. Появится желание и умение сокрытия “я”, научиться шагать через собственное сердце – урок уже преподан! Жениться и разводиться никогда не поздно, а неудача послужит лишь пользой...

Укутавшись, я согрелся, задремывая. Что же тогда любовь? Скольким написано, спето, выговорено, нашептано за тысячелетия, сколькими поколениями мужчин и женщин, а открывается по-прежнему, до сих пор, каждым из нас на ощупь. Если любить – отдавать, то почему же поздно, да и неумно, выясняется репутация выбранного спутника, его отношение к семейности, к долгу и делу? Ведь с закрытыми глазами не будешь передавать кому-то принадлежащее тебе

¹⁰ Храп – карточная игра.

состояние, верно? А тут вручаем самое-самое, всё-ё!.. Хотя... и чтобы летать, приходится доверять беспрекословно тому, чего не видишь. Странно?!

* * *

... В мои места вместе мы так и не съездили. Никогда я не спрашивал Людмилу, что тогда было, но это был отчаянный период в её судьбе, она не желала вспоминать. На целых полтора года мы расстались, и, я думал, навсегда.

По дороге к дому ловил себя на раскаянии: ведь порчу Лю жизнь. Смотрю в автобусе на лица женщин, сравниваю мысленно. Да разве можно? Но не встретиться я, был бы кто-то иной! Был ведь! И помоложе, знаю, хоть никогда об этом ни слова. Но вот опять мы вместе. Надо, оказывается, расстаться, чтобы почувствовать силу притяжения.

Но что нашла Лю во мне? В страстные любовники не гожусь, так что же? Насколько я понял, она не расчетлива. Совсем не современна в этом смысле. Как-то дал ей прочитать свою рукопись. Статья большая, с анализом, цифрами, то да сё. Вопросы ей известны, значит, подскажет, если что не так. Людмила подержала материал с неделю, потом вручила мне с короткой островой оценкой: "не понравилась". Разве расчётливая так поступит? Умная женщина, как правило, не подала бы виду, и хотя бы немного похвалила. Нам, возвышающимся в себе таким образом, кажется: вот она, единственная, самая-самая, спокойная понять. Тонкая, грамотная, умная!.. Лю тогда бабахнула то, что думала. Мы поссорились, она убежала из лаборатории в слезах, а я не понимал, что она думала в первую очередь обо мне, не о себе.

В ту пору жена стала внимательна, как к заболевшему, желания мои угадывались абсолютно точно, раздражения гасились покорностью. А в аэропорту нечто странное поделалось с авиадамами в службе перевозок, в бухгалтерии, в санчасти. Все стали проявлять ко мне осязаемый интерес, бросая такие взгляды...

Не знаю, как назвать то, что связывает нас уже столько времени. Привычка? Взаимные ролевые ожидания? Но я не мыслю себя без Лю. Она бы встретила пораньше! После невезучих лет, наверное, у Людмилы ещё и женский страх одиночества, опасение остаться одной. Мир действительно устроен необъяснимо: мы сами, добровольно, признаём над собой власть женщин неслабых, эгоистичных и терзаем тех, кто нам предан. Однажды Лю меня озадачила: "Ты, по сути, добрый и неконфликтный, но почему тебя не хватает на добрые дела и вокруг тебя сложно?"

Пока я ехал от неё в свой дом, прошелестел августовский, с запоздавшими громами, дождь. Освежаясь, я вдыхал влажный ветерок и чувствовал себя так, словно дни мои только-только начинаются. Захотелось к письменному столу, погладить клавиши печатной машинки и достучать незавершенные главы романа. Мокрая зелень, блики пробивающихся солнечных пятен в лужистом асфальте – было сейчас всё праздничным. В вышине, за рассеивающимися темнобокими тучами, пронизанными семицветным коромыслом, ощущалась бездонная радость.

Как хорошо, что почти ничего не знаю о Лю. Смотрю на милое лицо, и мне ничего-ничего не нужно. Довольно того, что есть. Что передают мне глаза её. Теперь я совсем не задумываюсь о том, что когда-то,

ещё до знакомства, я уже тонул в этих глазах. Если бы это была лишь красота, лишь умиление ею, молодостью, то не было бы такого пахучего привкуса родимости, близости беззвучной... Мы отучили женщину оставаться ею, боролись всё с природой. А тут и милостыню попросить не грешно. Женщина по-прежнему жаждет любви. Да-да, это её самая главная жажда!

Забываясь, я успел увидеть её комнату, поймать задразнившимися ноздрями пахучий аромат жарящихся котлет. О-о! Голая рука Лю протягивает мохнатый купальный халат, шлёпая на мокрый кафельный пол теплушие вязаные тапочки с толстой, без задников, подошвой.

– Боже, какой нетерпеливый! – почти кричит она радостно, не отбиваясь от меня. – Обожди... Вот такого больше всего и люблю!

Если бы мы поехали тогда вместе, все бы само собой решилось. Почему же не уехали? Если бы Лю настояла тогда, проявила характер. Но ей было оскорбительно, она хотела, чтобы решил я сам. Как-то она, будто невзначай, бросила, что никогда не сделает шаг первой, но я не придал значения. Поняв, что на вагонной полке, даже если устроиться уютно, не поешь приготовленных ею котлет, не услышишь оживленного говора Лю, не увидишь её матовую кожу под льющейся водой, я сердито вдавил лицо в подушку. Как страшно виноват перед ней, что всё так поздно. Женщине необходимо, чтобы было о ком заботиться – сразу дом наполняется жизнью, а жизнь – смыслом.

– Лю-ю... – шевелю я пересохшими губами, пытаюсь взять ее за локоть. Трусь щекой об обжигающее плечо, вдыхаю жасминный запах свежесмытых, не высохших после душа, волос. Они золотились и я поцеловал их. Она поняла, прижалась ко мне. С закрытыми глазами я ловил её запахи.

Когда сумрак стал незаметным, она сказала с пьяноватым блеском глаз:

– Ты такой усталый, откуда же силы? Забыл, сколько тебе годков?

– От тебя – хмельно засмеялся я, проваливаясь ещё глубже в сон. – Всё от тебя...

Она чмокнула меня спокойно и тепло:

– Вот теперь пострадай голодным! – и исчезла, оставив меня лежать. В этом тоже разница между нами и женщинами: Лю мгновенно превращается в мать, точно мы поменялись с ней возрастом. И у меня уже вновь мучительные, без ответов, вопросы в голове, и я уже знаю, сколько сейчас на часах и чем надо будет заниматься в конце дороги...

* * *

... Та, в платье в облипочку, приходила ежевечерне, в девять. Через немного – пара минут, не больше – в соседней комнате раздавалось глухастое ворчание, шуму то ли борьбы, то ли падающих, возглас изумленного радостью испуга: "О-о, Жоржи-ичка..."

Ну, вот, высчитывалось вынужденно: вошла, стукнула дверь, потом – поцелуи. Не произнеся никаких слов, они не давали себе покоя, и времени на раздевание не было. Знать мне пришлось почти всё, что неволью лезет в уши из-за дощатой переборки барачной гостиницы.

Низкий и скорый смешок, сопение, ласкающий шепоток, опять сладкая возня, убыстряющееся, в постанываниях, дыхание, прерывистое, умоляющее: "О-о, Жоржи-иче-ек! Любник мой будешь,

черненький...” – скажет, наконец, она. Прижмётся запыленным ртом, начиная расстегивать пуговицы на крупном мундирном теле.

В один из служебных прилётов, оказавшись в этой же прозрачной гостинице, я проснулся от стонов. Стоны перешли во всхлипывания, в рычание. Я побрился, умылся, оделся, завязываю у шкафа галстук – там всё рычат.

В буфете Никильчин, садясь за столик, не представил её. Да и не надо – разглядывалось с интересом. Шерстяные коричневатые брюки придавали спортивную подтянутость. Коричневый свитер, самый модный, в резинку, с высоким воротничком, прятал тело до подбородка. То ли сорок пять, то ли тридцать пять – макияж прикрывал мелкосетью морщинок, женщина умело наклоняла лицо, меняя тени на лице. Неужели Никильчин – такой бабник?

В диспетчерской – не протолкнуться. Несколько экипажей, вымученные вахтовики, отпускники с детьми – её величество непогода выровняла проблемы всех на неопределенные сутки переносом рейсов. У меня в портфеле телеграмма из “Коминфети”: “6 января командир вертолета Никильчин Ж.И. необоснованно отказал обратной загрузке Усинска до Ухты автомобиля УАЗ-469. Подобные случаи стороны летных начальников не единичны. Нарушается указание МГА Нр 86/у от 23 апреля 1979 г. о повышении эффективности применения авиации в народном хозяйстве. Прошу разобраться в указанном случае, принять меры”.

В объяснительной, которую я уж убрал в бумаги портфеля, Никильчин сослался на отсутствие обратного груза и заявки. Мы перебрали с ним полётные документы на прежние рейсы. 395 ящиков сока томатного, 6 тонн продуктов, экспедитор, товаровед, шоферы, снова ящики, вентили, крепежные детали, буровики... – никакой вины или предвзятости экипажа не приметил.

– Тут проще и дешевле подвеску таскать, – комментирует финишное молчание Никильчин. – Сколько и заказчику доказывал, и нашим – как в стенку! Мы быстрее и больше смывков успеваем, чем с внутренней загрузкой. А причины? Все те же – троса, строповщики, учёт веса... У меня сейчас, к тому же “болтушка”, пять метров вправо, пять – влево. Как на волне боковой! Несбалансированная машина – и все тут, да ещё навыки разные. Сафин передо мной был – он вообще трудно идёт. И Пруцаков держит машину непросто. А Флягин – тот берёт сразу и – нормально.

– Неужели такая разрегулированность вертолета? – недоверчиво переспросил я.

– Нет – отрезал Никильчин. – Конечно, система неустойчивая, влияет всё. Но я тебе так скажу: самое сложное везти и ставить лёгонькую подвеску. А грузную, на максимум веса, я тебе и на нос твой смогу положить, причем не больно и сразу!.. Как с бабичкой – всё на кончике, персонально!

Ну, с жалующимся сигналом “Коминфети” разобрались. Инициативные предложения Никильчина, как почему-то принято у нас, оказались неустраиваемыми, а попытка работать “по правилам” бьёт прежде всего по самим исполнителям. Никильчин как пилот рационален, прав, и его доводы надо поддержать у руководства. Не решив ещё, нужно ли с ним затрагивать личную тему, я подбирал повод для разговора. Человеческая потребность пытается понимать

самое не понимаемое пока в отношениях, и неподвластное каким-либо однозначностям законов, аксиом или правил переборота мою нерешительность.

– А что женщина для вас, командир? – с хитроватинкой озадачил я. – Мы выбираем, нас выбирают...

Удивляясь, он впился в меня, опершись локтями в стол. Хмыкнув, почесал межбровье, ответив негромко:

Господь не прощает тем, кто не любит. Слыхивал? Более того, даже наказывает того, кто не знает любовь... А у нас исчезли страстные чувства, изящные слова. Любовь пропала-а! И, выходит, женщины наши этим всем страшно обкрадены...

А говорили про Никильчина. Что Казанова в форме, подумалось тут же. Типичный предрассудок! Детский примитив считать, что каждый человек имеет собственные, определенные навсегда, до самого конца, какие-то данные качества. Будто, одни – добряки, другие – кусачие, злюки, третьи – альтруисты, четвертые – глупари... Чепу-у-ха! Люди, если и схожи, то как реки. В реках – обыкновенная, от природы, вода. Человечи разнятся как реки – берегами, шириной, стремительностью, глубиной, и всякий несет в себе семена другого, вообще других людей, всех их качеств. И связаны мы, хотим или не хотим этого, взаимодополнением привычных отношений. Ждешь одних, получают – не те, не такие... Мешок ожиданий для любого из нас – сюрприз. Ведь мы мало задумываемся о буднях в своей душе, своих потребностях. С этого-то складываются проверки семейных союзов на прочность...

– И я когда-то верил – продолжал Никильчин – что семья, как вино, набирает крепость с годами. Возможно и так! Сегодня уверен: конфликты в доме – закономерно, это обычно, это здоровое. Ведь мы – разные, а счастливиться могут лишь те, кто способен учиться друг у друга, открыто выражать чувства, уважать права другого и не бояться отстаивать свои...

Теперь пришла моя очередь всмотреться. Жаль, что нам не доводилось встречаться не по профессиональным интересам, а так, по-житейски. О его семейной драме я немного наслышан, но то из чужих уст. Что же он откроет здесь сам?

– У меня лишнего жира на сердце давным-давно нетушки! – горделиво подчеркнул он. – Обидно, но дошел до этого, лишь когда потерял всё. По-тихому пытался, без кипяти... а лучше бы выкричаться, выбросить из себя наболевшее...

Это что-то уже из психологии. Кажется, в сей науке даже термин такой введен – “точки роста”, чтоб измерять неравнодушие людей, желание конфликтно определять свои семейные отношения, искать компромиссы, то есть вместе расти. И когда ролевые ожидания мужчины и женщины совпадают или максимально сближаются – тогда и можно произносить слово “счастье”.

– И бабички уже иные! – пряча настоящее, добавил он с усмешкой – Не так разве? Женщина – уже больше деловая и власть. Она чаще лидирует и прекрасно сознает это. Она задает на работе и в квартире тон – и ей, прости, уже начхать на общественно-толповое мнение. Она, как мы, попивает коньякеты и смотрит секс рядышком с нашими женами. Ведь так же, а?

Он засмеялся, растянув в полную широту большой рот и вытирая вспотевшие подглазья сдвоенными пальцами.

– Но-о! – Никильчин строго, не убавляя остроты, посмотрел прямо мне в глаза – Знай: они по-прежнему, до ненависти! Обижаются в двух случаях. Если мы видим в них только бабу, девку, или, наоборот, ослепли, завертелись, заняты и не усмотрели женщину-у!.. Всё – в нас, всё-ё!

* * *

Наверное, пропала бы та вагонная встреча с молоденьким Геннадием Васильевичем где-нибудь в переулках памяти, но через года полтора столкнулся я с ним в штурманской.

Он огорченно застыл от вида такой же авиационной формы.

– Как живётся? – банально упростил его состояние я, удовлетворенно оглядывая во весь рост отвердевшую в движениях фигуру. Карие глаза ответили из-под лакированного козырька с золотистыми веточками сильно и вдумчиво. – Уже ввёлся? На чем командиришь?

– Да! – сказал он бодро. – Все в норме. Сейчас с экипажем – в автобус, запускаемся – и на Карское...

Кажется, не очень тактично, но не удержался.

– А... с той историей что?

Он уверенно ответил:

– Стараюсь без прошлого. От него, от Никильчина, мы отказались. Он – наверх с жалобой. Личные счёты, необъективность и тому подобное. Тут в Непал посылают, в горы, а экипаж-то рухнул. Летаю с новенькими. В общем, продолжение следует...

– А в чем необъективность-то? – не желая расставаться, спросил я.

– Да есть! Я, правда, ни при чём здесь. Ни с кем не делился... после поезда. Но разве скроешь?... Еще, вдобавок, за Уралом машину разложили, у комиссии что-то не стыкуется, а Никильчин записан проверяющим. Короче, под ним летать желающих не стало. Решение, вроде бы, завтра объявят...

– И в отряде так настроены? – не поверилось в контрастную позицию откровений самого Жоржа Ивановича.

– По всякому! – надвигая фуражку на лоб, пожал плечами пилот. – Раско-ол! Имя всё же он смастерил не на промакашке. А за личное, пусть и за подловатость, у нас с работы не снимают. Ну, извините – на вылет пора!

Простились мы крепким пожатием. Спустя неделю прочитал я в приказе список направляемых в заграникомандировку. Никильчин назначен старшим.

Получается, утвердили на него характеристику. Обыкновенную, как обычно...

* * *

Проснулся я в избушке лесничего под странноватым прибором. После хмельного, за встречу, ужина поначалу мне оказалось непонятной деревянная конструкция длиной метра в полтора.

– Скорописец! – пояснил Михалыч, ковыряясь узловатым пальцем в носу, когда мы убрали со стола пустые тарелки и стаканы.

Теперь, лёжа, я попытался на свежую голову разобраться в принципе работы ёлочной завитушки. Ошкуренная, закреплена с одной стороны на затесанном бревне стены. Другая – как стрелка. Напротив неё – вырезанные строчки. Приподнявшись на кровати, разобрал: “пасмура”, “яснуха”, “дождище”. Ого-го, Михалыч что напридумывал!

Дед довольно обтирая рядышком сметанный ус, потекший на складке рта.

– Сбирайся, северун! – буркнул мне, запивая травяным чаем. – Прибор не врёт, на пятницу ливнить будет. Так что, если хочешь поглазеть медвежьей тропки, собирайся...

Мы пошли, и я не раз ругал себя, что не забрал сюда Лю. Все-таки, чего молчать, люблю лишь то, что сопротивляется. Человек и дерево, вот кто начинается с сопротивления... И я люблю тех, кто выражает суть свою несогласием, кто замкнулся, молчит, хранит твердость. Мне нравятся те, кто постоянен в своих предпочтениях и кто не хочет близости, не опасаясь быть неправым. Мне ненавистны доступные, лёгкие и соглашающиеся. Человек обязан противиться...

Ночуя в деревьях, я поделился с Михалычем о Людмиле. Поправляя костерок, дед не спросил меня ни о чем.

– Не зря скорописец на воду глядит! – бурчал, поглаживая скулы крючочными ладонями. – Давай быстренько, быстренько...

Обратно мы все же не успели посуху. Небо крякнуло надсадно и вкруговую, затрещало и, лопнув, стало выливаться. Дождь залил на трое суток. Когда затихло, я вздрогнул от дробного постукивания в оконную раму.

Михалыч распахнул окно.

В голубизне чистого, бездонного неба мне увиделись золотистые, знакомые-знакомые, волосы.

Неужели Лю?

уменьше становится специалистом на глубину и в высоту, но оплачивается оно по нашим бесчисленным парадоксам, пониже, поскупее. Длительное общение с пилотами, штурманами, бортмеханиками и радистами-операторами, кроме знакомств с поистине влюбленными в свою беспокойную жизнь вертолетчиками, заставило применить немало. Например, многовато вторых, то бишь, правых, пилотов, вовсе не стремящихся стать командирами воздушных судов, пересест в левое кресло. А при приеме зачетов в составе МКК¹¹ увидел сколько их, членов экипажей, довольствовались “четверкой” в оценке подготовки и на наивный вопрос “Не хотите сдать на отлично?” равнодушно отвечали: “Мне хватает. Когда заставят сдавать на первый класс, тогда можно и пятерочку!”

Причин тут многовато. Наверное, можно согласиться с позывами техников в вертолетные цехи, лишь бы убежать от ритмичного, по расписанию работающего перрона, где такая же квалификация стимулируется гораздо ниже при большей напряженности и объемах работ. Можно смириться и с отказывающимися идти в лабораторию, до сих пор считающуюся в производственной иерархии авиационно-технических баз третьестепенным подразделением, хотя, что сейчас взлетит и будет нормально работать в небе без помощи лаборатории?

Когда наш аэропорт готовился осваивать в дополнение к послевоенным всесезонным “аннушкам” реактивные ЯК-40, по-своему воспринимали техники ожидаемое оборудование: метеорадиолокатор, систему посадки, автопилот... На АН-2 ничего этого нет, а новенький пассажирский лайнер вместе со сложной бортовой начинкой привезет и новехонькие хлопоты!

– О, посмотрим! Интересно с новым! – воскликнул А.Евлампиев, и я видел: занимается он подготовкой стендового хозяйства с удовольствием. Сказать так и с интересом поступить может лишь человек, уважающий себя и понимающий свой профессионализм как непрерывное движение, как обновление.

Свыше полусотни предложений внес и внедрил Александр Глебович, и каждое рационализировало рабочее место, технологию, конструкцию установок и приборов. И это – слагаемые мастерового...

Но почему теперешние молодые люди, собирающиеся всю жизнь стать авиаторами – профи, зачастую не стремятся постигнуть вертикаль своей специальности – меня это пугает. Уж слишком достаточно этому примеров!

Приходит парень из училища – в характеристике сплошная грамотность по сложнейшим системам, конструкции современных двигателей знает отличнейше, легко разбирается в запутанных электросхемах и бортовых ЭВМ, а надо поставить банальную дюралевую заплатку на обшивке серийного воздушного судна – не моги! Сразу бежит за слесарем-клепальщиком, в мастерскую, а там – кто? Придет квалифицированный Петрович со средней школой и опытом, намажет, насверлит – все, порядок! Глянет сочувствующе на техников-инженеров: “Пушай летает!” Стоят специалисты рядом, у самолета-вертолета, молчат. Ладно, не умеют ни подкрасить аккуратно или заклеить, ни пайку изящно красиво сделать, быстро перебрать электрооборудование или полевой ремонт воздушному судну оказать как положено – слабо. Надо мастера, да и только!

Однажды, после полетов, услышал на стоянке вертолетов об устранении несложного дефекта: “Придет сменный, скажет снимать насос – сниму. На то и инженер, чтобы думать. Мне гайки крутить!”

Машину, кстати, восстановили только утром, перед следующим вылетом по наряду. Пришлось насос все-таки менять, и шанс задержать рейс рос с каждым часом. В фюзеляже вертолета сидели четверо техников, не новичков, а инженер, разложив фидерные схемы, ползал на коленях, разбирая прохождение сигналов и возможные причины. Никто из техников не соучаствовал в анализе дефекта, и решение принял на себя сменный.

Вот это уже позиции! Авиатехников учили, готовили к самостоятельному обслуживанию, а подготовились они так, что их устраивает быть безынициативными. Отчего? Это что – не заметили в училище, не сумели или не захотели исправить там, где так много говорится и нуждается в воспитании? Или, проходя первые стажерские часы в АТБ¹², ребята успели вобрать в себя такую “житейскую мудрость” от тех, кто совсем недавно сделал точно такое же открытие в зауженной специализации, не предусмотренной реальными потребностями малой авиации, но существующей наяву, в должностных обязанностях.

Где, откуда эта, уменьшающая возможности людей, политика берется?

После того вечера вернулись ко мне не единожды брошенные кем-то слова: “Слишком уж скоро хлопцы спешат на глассадку. Полета, по сути, еще и не было! А до посадки и попотеть надо, может, и жизнь всю...”

Что ж, спору нет. Для нынешней авиационной молодежи становится характерным динамично спешное ускоренное достижение доступных глаз рубежей. И чаще всего – материальных. Или броско внешних, начальственных. Опять же, с материально облегченными горизонтами.

Приходит паренек в аэропорт, год-полтора осваивается, и если получает терпимый заработок, он удовлетворен. Он не ставит себе задачу получить высший разряд со всеми возможными и необходимыми для производства допусками. Их и так ему сделают со временем – жизнь заставит. Максимальные разряды к тому же требуют и стажа, которого все равно нет. Вот и получается искусственная вилка пределов, неоправданная, на мой взгляд, и вовсе нерациональная. Любой специалист, желающий и далее трудиться, при четком проявлении определенного интереса и упорства в сочетании с лучшими качествами работающего человека, должен иметь право и возможность быть признанным классным, вплоть до высшей квалификации, независимо от продолжительности стажа. Пусть через конкурс, через усложнения требований и через гибкий экзамен – но чем быстрее он подтвердит свою профессиональную независимость, то есть значимость, основанную на знаниях, подтвержденных навыках и умении, тем это, и именно это, должно быть выгодно предприятию и, естественно, самому работнику.

* * *

Под портретом А.Евлампиева можно смело написать, что он – мастеровой. Лет пятнадцать-двадцать назад обязательно пришлось бы добавить об общественных поручениях, о перевыполнении плановых

¹¹ МКК – местная квалификационная комиссия.

¹² АТБ – авиационно-техническая база.

заданий и т.д. и т.п. Что он – ударник коммунистического труда, успешно руководит бригадой и подготовил к работе двух-трех начинающих. Так это, по сути, и было. Но я бы написал всего одно-единственное слово: МАСТЕР. Думается мне, что упрощая деловые отношения до уровня “что буду иметь?” или “как лишь бы суметь?”, мы стали постепенно терять в них самое решающее звено – ЧЕЛОВЕКА, сводя производство к более-менее приличным цифрам, рапортам, званиям, к обнаженной выгоде. А.Евлампиев, к примеру, относится к тем российским рабочим, которые всегда составляли и будут составлять основу, надежный фундамент нашего национального уровня. Раскрываются такие, как он, незаметно, без саморекламы и звонких событий. Но – именно раскрываются, отдавая выбранному занятию и товарищам по окружению всю свою ненасытность жить, трудясь без усталости, несмотря на возраст. Такой труд, всегда вдумчивый при привычной для нас неровности, даже аритмии, делает душу его и, значит, друзей по служению мудрее, чище. То есть – совестливее.

Пока же у наглядно впечатляемой части специалистов просматривается убежденное представление об основном – при минимуме затрат сил и времени иметь предельно осязаемые сиюминутные деньги. Между тем, для становления добротного профессионализма – это подтверждается мировым опытом ведущих компаний самого проверенного авторитета – предпочтительнее как раз преодоление, упорство, от чего многие у нас вольно невольно, но шарахаются. И получается, что естественное и необходимое стремление к собственной значимости, размазываясь, отходит в переулочек угодничества, упрощения, подхалимажа.

Возможно, сказывается в сумме все. И промашка государства, и издержки школьного и домашнего влияния. Свою роль играет и не по-хорошему стремительный темп изменений в обществе, тянущий остроугольные динамичные пересмотры ценностей. Политика политикой, а основа жития, несмотря ни на что, остается для преобладающей части народа при всех общественных коллизиях прежней. Конечно, влияет по-своему и научно-техническая подкрепляемость жизни, с ее автоматизацией и программированностью всего – неограниченно каждое несет соответствующее воздействие на нее, и так оно есть. Но корень, повторяю, от убежденности, находится глубже, в нас самих, в натуре человека, в его сущности. Так как в оценке мастера и его мастерства все-таки она, натура человеческая, характер является источником движения, импульсом и вектором движения, а все остальное есть только обеспечение, инфраструктура, только условия, помогающие или, наоборот, не способствующие развитию творческого потенциала.

Александр Глебович может снять любую напряженность в коллективе. Выручает юмор. Как говорят о Евлампиеве в бригаде, он берет на себя душевные параметры смены, так сказать, постоянно проверяет их на соответствие нормам взаимоотношений. Да и сам знаю абсолютно точно: когда работает Глебович – так его кличут в авиационно-технической базе – все в лаборатории тянутся к нему. Сам он никогда на происшедшее не реагирует в лоб, напрямую: вроде, все-то ясно, разгильдяйство требует наказания, но по-человечески жаль, и страдает в любой истории сам бригадир, потому что хочет поверить еще раз...

Н.Монахов, техник по радиооборудованию, вместе с А.Евлампиевым работает двадцать два года.

С ним мы никогда не ссорились! Ни разу!

И это, знаю, так и есть, хотя бригада у них совсем уж не святая, нет-нет, а бывает в ней разнооттеночные полосы, неувязки, сбои. Николай Монахов – грамотный специалист, но порой не хватает и ему терпения докопаться до причины хитро сложного дефекта в радиосхеме. Тогда к стенду подсаживается бригадир – и дело доводится до успешного конца. Евлампиев уживчив, а это житейское и очень непростое, дефицитное сейчас свойство предполагает умение находить компромиссы, не опускаться до критиканства и подчеркивания виноватости, несостоятельности человека, не снисходить к добрячеству и не доводить до крайностей, но и не избегать самого трудного и нужного как лекарство – быть откровенно правдивым как по отношению к себе, так и к другим. Вот таков Глебович – немолодой человек, техник по бортовой аппаратуре самолетов и вертолетов, мастер с нестареющей душой среди тех, с кем он начинает и заканчивает рабочий день.

* * *

Много ли мы знаем мастеров?

Тех, о ком редко, но сообщают все-таки радио, газеты, показывает кино и телеэкран – немного знаем, наверное. Но эти люди, как правило, где-то не рядом, в другом районе. Раньше хоть по-казенному, но обобщался как передовой их опыт. Занимались этим профсоюзы, политработники. Сейчас на переднем плане совсем иное, а – зря. По крайней мере, без как можно большего числа работников-мастеров предприятие весомым не станет.

Тех, кто вместе с нами, лично, плечом к плечу, делит ежесуточные заботы цеха, службы, отдела, участка – знакомы ли эти близкие в работе как мастера?

На Руси мастер всегда уважаем, во все времена. Словари русского языка определяют его, как квалифицированного работника в какой-нибудь производственной области. Или как специалиста, достигшего высокого искусства в своем деле. Но только ли за умение признаем мы мастеровым? Нет, скорее за сочетание с умелостью быть человечным, за душевную красоту. Вот и выходит, что МАСТЕРСТВО, кем бы ни был его хозяин, оно неотделимо от доброты и честности. Без них, за малым исключением как бывает в жизни во всем, оно просто-напросто не существует. Поэтому если и говорить о мастере, провозглашать его, значит, прежде всего говорить, провозглашать его нравственность.

Несомненно, всякий начальник заинтересован в высокой подготовке подчиненных, но не всякий – известно тому немало примеров – в их совестливости. Более того, совесть и честность пилота, водителя, техника, не допускающего “липы” в налете, в километрах и тоннах, в выполненных работах, как ни странно, иногда не содействуют, а порою и мешают. А сколько в организации нашего производства, к сожалению, остается и сейчас такого, что защищает, оправдывая, право работать плохо, халтурно, безнравственно. Придерживаясь старинной истины: если сама работа допускает недобросовестность, обман, значит, в ней есть что-то порочное. Истинное дело никогда не испортит мастера, не развратит его, принуждая ловчить, врать.

* * *

Мастеру свойственна самостоятельность. Как-то смотрел на будничные хлопоты пожилых слесарей, готовящих аэродромные машины к выезду. Один возился “по наряду”. Написано: “отрегулировать ручной тормоз”, он и регулирует. Второй ему бросает: “Что же ты? Не видишь, что ли, тросик совсем вытянулся – менять пора”. Первый рассерженно отвечает: “Не моя забота. Что поручили, то и сделал”. Второй настаивает: “Так не будет же тормоз держать!” Вот так эти двое и обслуживают автотехнику: один лишь бы справиться с написанным заданием, отмахнуться, а другой – ищет лучший вариант, думает и лишь после делает. Так, чтобы не переделывать никому. Чтобы не стыдно было. У обоих слесарей одинаковые, убедился, разряды. Получают в кассе одну и ту же заработанную сумму, но мораль под нее у них различная: первый: знает и умеет, но не делает. Не хочет, и – все.

Хотенье же мастера – тоже идет от души. И такого же ответа ожидает. Ведь второму слесарю не платят больше – нормы и расценки одинаковы для всех, а свойства характера, предпочитаемые производством тарифно-квалификационными документами, ими игнорируются. Зачем же стараться, а? Мастеровитый пожмет плечами, удивляясь наивному вопросу. А затем, наверное, что желает помочь другим, порадовать тех, кто будет на его машинах ездить, порадовать и тем самому порадоваться. Он не может, не способен сработать некрасиво, как уже не умеет сделать некрасивую, то есть неправильную, пайку в радиоаппаратуре тот же А.Евлампиев.

В “Наставлении по производству полетов в гражданской авиации” среди специфичных терминов есть такой: “МИНИМУМ КОМАНДИРА ВОЗДУШНОГО СУДНА – минимально допустимые значения видимости, при которых разрешается выполнять посадку или полет”. Квалификация пилота тем выше, чем меньше эти значения видимости. Ну, цифры жестки и жестоки, и далеко не всем летающим по много лет удается покорить их. Можно подойти к терминологии пилотской планки и образно, как к критериям личного минимума мастера, где невозможно отделить полет и собственно жизнь, принципы человека.

Шли как-то на МИ-6 с Печоры на Вуктыл. Загрузка обыкновенная – продукты газовикам, бытовое имущество. Конечно, дешевле было бы зимником, но – март, морозы сдали, принуждая автомашины застопорить в гаражах и молиться на воздушные грузовики:

Андреев “довозил” молодого Ивана Федирко. Оставалось налетать слева чуть-чуть, и финишные рейсы выбирать не приходилось. Заместитель командира эскадрильи вводил будущего возможного командира экипажа. Вот эту возможность и предстояло доопределить. Плотный, по-крестьянски грубовато коренастый Иван держал машину цепко. На информацию штурмана о режиме полета реагировал уверенно, и Андрееву волноваться вроде бы нечего. Когда прошли полпути, заметили грозовой фронт. Не успел замкомэск принять появившееся в мыслях решение пересесть и взять управление на себя, как ослепило белым разрывом. Показалось, что МИ-6 провалился. Федирко в левом кресле словно застыл – ни волнения, ни движений, ни паники в голосе по СПУ¹³.

Вышли из хлопотного района молча. Федирко посадил вертолет, обнаружилось, что разрядом зацепило лопасти несущего винта. Не почувствовать удар повреждения Федирко не мог, и Андреев догадался – промолчал тот сознательно. Не хотел “подкручивать” напряжение в экипаже, поберег людей...

После того рейса аттестационные документы замкомэск оформил досрочно. Будет с Ивана летчик, точно. Наедине с небом справится, а вот на земле как – посмотреть надо. Сколько их не справлялись по-человечески дома, в проблемах и грехах самых житейских!..

Слово “летчик” Андрееву симпатичнее, чем традиционное и суховато-официальное – “пилот”. Потягивает от этого слова романтикой юной авиации, когда открытые ветрам и опасностям неосвоенного полеты требовали обнаженных качеств настоящего мужчины: мужества, силы, упорства. Собственно, как считает Андреев, мужество сейчас – тоже профессионально необходимое. Например, как доброта и терпение для педагога. Мужество настояно на знании особенностей летной работы, оно – следствие грамотности, а проявляется решительностью в опасных ситуациях, способностью не ошибиться. Что это именно так, Андрееву видеть приходилось не раз.

Однажды ходили на Усинск. Весна – ослепительно яркая, радующая. Полтора тысяче сильные двигатели плавно и легко несут МИ-6. Ревут, отмахивая в неистовой ритмичной круговерти, могучие длины несущего винта. Вдруг оглушительно отчетливо застучало в районе главного редуктора.

После срочного доклада бортмеханика об оборотах правого движка и падения давления масла в редукторе пришлось лететь на одном левом двигателе. Подобрали режим – и шли. Вертолет тянул, но с неизбежным снижением, а потеря высоты – беда. Особенно, если под собой тайга и ни единого пятачка, чтобы сорокатонная машина могла приткнуться и не поломалась о деревья, не провалилась в болото. Да и просто не перевернулась бы.

Если вы услышите или прочтаете, что при отказе двигателя пилоты оставались спокойными – не верьте. В подобных случаях, при всей их редкости и тренированности экипажа, нет и не может быть бесстрашия. Человек восприимчив к опасности – и это естественно. Но спасет и приводит к победе в таких случаях самоохраняющее человека чувство долга, собранная в кулак воля, инстинкт выжить и мастерство. Потом, после расследования, комиссия вынесет заключение о конструктивно производственном дефекте в материальной части и отсутствии вины экипажа, но это – потом. А в том полете В.Андреев первым делом развернул вертолет навстречу ветру и стал высматривать площадку для посадки. Смотрели в десять глаз, а когда нашли, высоты, в общем-то, уже почти не было. Нырнули – и нормально. Ни царапинки, ничего не зацепили.

Когда вышли из кабины и осмотрелись, ахнули. Нырок тяжеловозного МИ-6 оказался почти вертикальным, немного в сторону да еще с покачиванием – побили бы дорогостоящую “шестерку”! Везение? Наверное, да. Но его бы не было, не будь В.Андреев летчиком первого класса. Вертолет – летательный аппарат повышенной сложности в пилотировании, а как инженерная конструкция – самая неустойчивая из изобретенных. У отличника гражданской авиации Андреева в профессиональной характеристике отмечено:

¹³ СПУ – самолетное переговорное устройство

“в полетах инициативен, готовится тщательно к выполнению каждого задания и показывает отличную технику управления вертолетом. В сложной обстановке действует самостоятельно, четко и уверенно”.

После нескольких бесед с ним я не удержался, спросил: “Так почему все-таки не принято название должности и профессии “пилот?” Андреев удивился: “Пилот – это техницизм, что-то от автоматичности, механического исполнения...” Да, нынче приборы позволяют с закрытыми глазами и ушами вести и довести воздушное судно. Но, по-моему, главным был и останется в небе все-таки человек, живой и грешный. Уж о чем только не наговорится между собой экипаж в будничных рейсах. То “жигуль” неважный попался, а отремонтировать – дорого и где? То у радиста дочка разводится, или пора собраться в субботу попариться в новенькой баньке – штурман приглашает... Поболтали, пообменялись выразительными взглядами – уже и веселее как-то стало. Конечно, говорливость в полете вредна, даже запрещена. Но – люди есть люди, устают. Андреев приучил себя не приказничать – сам, слушая подчиненных, оставляет весь внимание: видит, пространство, все указатели на приборной доске и пультах, слышит эфир, а также – машину. Заметив это в нем, спрашиваю: “Как, мол, сочетается в нем?” Засмеялся и коротко объяснил: “Ощущение неба”.

Вот такое ощущение, вбирающее в себя множество самых различных оттенков профессионализма, Андреев и ищет в других. А если уж найдет, постарается поддержать его как верное свойство летчика. Такое в Андрееве тем более ценно, что за три с лишним десятилетия занятии авиацией он не перестал волноваться полетами. Интересно летать – и все тут. Как-то поспорили о вероятности возвращения несправедливо позабытого после нескольких трагедий дирижабля. Андреев подытожил лаконично и молодо: “А я бы взялся... Такие возможности! О!”

Как-то тренировались, готовились к осенне-зимней навигации. Одна машина ушла наверх, экипаж выполнил положенные упражнения – нормально. Вышли на прямую, а дальше – надо выключиться, а оставшись без двигателей, рассчитать глиссаду, снизиться и сесть. Ежегодно, по плану, все вертолетчики проходят через подобную проверку. Вроде бы чего тут? – те же МИ-6, те же люди, тот же аэродром. Не утомительно ли такое однообразие?

В.Андреев: “Мы действительно готовимся годы. И от этого никуда не деться. Без повторений нельзя. Но я бы провел такую аналогию. Шофер, который довел навыки вождения до автоматизма, чувствует себя увереннее. И действует вернее. Он, если хотите, лучше начинает воспринимать машину, понимает ее поведение в тех или иных ситуациях. То же самое и у нас. Лишних навыков не бывает, а в воздухе надо быть готовым ко всякому. В отряде через зачеты проходят абсолютно все, не взирая на класс, налет и должность”.

Пришел в подразделение военный летчик И.Шарипов. Ушел из армии в запас подполковник с высшей летной квалификацией, посидел дома – не то. Потерзался и не выдержал пенсионной жизни: попросился полетать еще.

Андреев покатал его на правом кресле, присмотрелся. Вроде бы все в порядке – куда денутся боевые рейсы? Что есть – то есть; можно считать демобилизованного летчиком, сгодится. Но... только поспускай начнет снова с третьего класса. Замечания –

пожалуйста: плохо зависает, машина на висении неустойчива, сажает резковато. Хватит?

Шарипов возмутился. Что, я же не курсант. Разве за полковую работу “единичку” зря дают? А Вячеслав Митрофанович уважительно в ответ: “Наука не совпадает, если чистоты не хватает”.

Понервничал офицер запаса, но уступил, похоже, аргументации северного вертолетчика. Кстати, младшего по возрасту. Спустя некоторое время, втянувшись в конвейерную работу экипажей, И.Шарипов постепенно доказал соответствие своей войсковой классности. А когда сын Николай отслужил срочную, уговорил его прийти в этот же отряд – радистом. Обиды на придирчивого замкомэска отец не держал. Вообще, как это хорошо было заметно, на Андреева никто не сердился, даже при отрицательных зачетных оценках, после высказываемых на послеполетных разборах замечаний. Летчик Андреев никогда не замыкался на узком профессионализме, умея подобрать нужный контакт с человеком, выслушать его таким образом, чтобы откликнулось откровением, взаимностью.

В отряде нередко бывали гости. То журналисты из Москвы, писали очерки, статьи, репортажи для центральных изданий. И кино не единожды снимали. То наведывались газетчики отраслевые, то корреспонденты республиканские. Раз о вертолетчиках материал, то подавай нештатные ситуации, аварии, пожары – в общем, поострее. От всех интервью Андреев отбивался, шутя: “Я-то почему? Просто работаю. Вы лучше попопрошите...” – и назовет нескольких пилотов. У них, мол, события есть повкуснее!

Даже когда он сам, возвращаясь на МИ-6 в Ухту, интуитивно опередил приборы и выключил начавший помпажировать двигатель, никому из корреспондентов не рассказал. Попав в обледенение, почувствовал переутомление машины, а по стеклянному наросту на антеннах, по тяжести на управлении понял мгновенно – вниз! Кусок льда влетел во входное сопло – дальше и секундомер может не успеть! Андреев сумел дернуть пожарный кран, заметить землю в облачности. С двухсот метров МИ-6, обессиленный наполовину и удерживаемый Андреевым, выскочил к посадочной полосе – приземление прошло удачно.

На следующий день в наряде на полеты замкомэска запланирован на проверку экипажей. После тренировок вокруг Андреева в эскадрильном классе сгрудятся пилоты – в шахматах, как и в небе, он ненасытен. Время, известность и наступающая седина не изменяют его, кажется, совсем. По-прежнему мастер доброжелателен, улыбчив, трудолюбив и честен. Нормальный русский летчик.

Многое приходит к нам в детстве.

Приходит да так и остается навсегда. Береза под окном. Старый сарай в огороде, где переиграл с пацанами тысячу игр. Дорога к школе. И люди, запомнившиеся с тех пор.

Когда в далеком детстве, наслушавшись разных историй из фронтовой жизни, я был потрясен одной из них. В трагическом начале войны с крымского полевого аэродрома перебазировался – отступали – авиаполк. Снаряды фашистские уже перепаживали взлетно-посадочную полосу. Шестеро техников, из последних оставшихся для выпуска истребителей в перелет, решили не отдавать врагу поврежденные машины. Под обстрелом, помогая друг другу, подлатали израненные тела самолетов. Поднялись все шесть ЯКов. Фонари

кабин не закрывали – радиосвязи не было и так, как не было и парашютов, а так хоть рукой можно дать знать! В перевалку, боясь приблизиться крылом к крылу, дошли до Керченского пролива, как вдруг откуда-то сверху, сзади ударили пулеметные трассы. На той стороне, под Таманью, сел у своих лишь один. Вытащили его из истребителя в окровавленном комбинезоне, едва оторвав от штурвала обожженные руки. Летчики стояли молча, потрясенные увиденным – техник совершил первый самостоятельный полет. Боевой полет. Комполка, стаскивая с себя шлемофон, удивленно качал головой. И все повторял шепотом: “Федотыч, Федотыч, технарь ты мой!”

Никто из шестерых никогда не поднимался и не сажал самолет, хотя знал его до последнего винтика. Но все, что можно было в их положении для спасения нужных фронту машин, они сделали. С тех пор, бывая у летчиков Великой Отечественной, слушаю, ловлю теплую нотку в слове “технари”. Может, с аэродромного детства и началось для меня уважение к работающим, все могущим “технарским” рукам. Началось и – не кончается.

...Заснеженная Воркута. Минус 32. Ветрит. Окно в аэропортовской гостинице сплошь в морозных кружевах. Дыханием протаиваю в белой наледи маленький глазок. Смотрю сквозь него на дымящую трубу городской ТЭЦ – видна! Вся видна, полностью. Означает это: погода есть и полеты возможны. Прознал такое от авиатехников – они, не выходя из своих комнат, так предупреждают прогнозы метеослужбы. Гарантия полная, подтверждают и вертолетчики из экипажа В.Коровина. Московское время – четыре часа. Ночи уже нет, но и утро о себе еще не заявило. Где-то отдаленно – далече, значительно восточнее отсюда, легкое, чуть теплое, нежноватое пламя восхода акварелит край неба над моей страной. А здесь, в заполярье, оно иссиня-черное, сплошь в звездной остросветной россыпи. Из покойно спящей гостиницы в хрустящий холод самыми первыми уходят техники. Наш тяжеловоз МИ-6 – на дальней стоянке. Вылет на буровые – в семь тридцать.

В.Долин, бригадирничая, расставляет своих на предполетное обслуживание. Собственно, все знают: что и как. Начинается с внешнего осмотра. За ночь вертолет засыпало снегом. Под его покрывалом провисли и 17-метровые лопасти. Ладно, Макаровский и Милютин – сначала на очистку машины, потом – на оборудование. Тараскину – прогрев фюзеляжа, приборных досок и оборудования кабины, двигательных отсеков и редуктора. Короче – главное теплоснабжение. Себе бригадир оставляет наиболее сердцевую работу – проверку силовой установки, топливной, противопожарной и других систем в нервах и мускулах машины.

Валерий – пока со вторым классом. Ухтинец коренной, с 45-го. Окончил Выборгское авиатехучилище – достался поначалу биплан АН-2. Присматривался к аксакалам – технарям П.Фомину, Ю.Московскому, Л.Чекушкину – что ж, от докторов небесных вездеходов, перенимать азбуку технарской грамотности можно бесконечно. В.Митин, тогда начальник вертолетного цеха, поговаривал частенько в напутствие: “Учитесь, питайтесь! Они умеют ценить честь, беречь время, инструмент. Основа – в этом”.

Долин однажды отметил, что со стоянки техник уходит, не закончив установку насоса-регулятора.

Кинулся за ним: “Ты чего рано руки умываешь?” “А, смена вышла! Ребята утречком успеют...”

Малоразговорчивый и обычно сдержанный Долин нашел, что сказать. После этого пришлось провозиться на вертолете еще часа полтора. Все-таки не выдержал тот техник, стал уговаривать: “Ладно, Валер, иди – доделаю. Что, неужели тебе больше всех надо? Ведомость все равно одна...”

Долин рассудительно глянул: “Нам всем: и тебе, и мне, и ребятам надо больше. Тут ты прав. Не свой же велосипед ремонтируем!”

Недоделанные с вечера, когда то и дело садились домой вертолеты, нет-нет да и появлялись в цехе. Не всегда помогали и оплата по системе бездефектного труда. Пробовали, пробовали, а остановились на чем – покончить с подобными издержками можно новой организацией работы по единому наряду. Тогда каждый, и в цехе, и в оплате, и в коллективной ответственности зависел бы друг от друга.

Честно говоря, далеко не все и не с ходу заладилась у бригадира Долина. Митин и повыше стали поговаривать о нерешительности Валерия, об уступчивости нарушителям.

...В продрогшее нутро вертолета заходить не хочется. Дюралевая обшивка, трубопроводы, жгуты электропроводки – все леденит, прожигает ознобом. В.Долин достает инструментальный чемодан, выкладывает нужные ключи, приспособления. Берет медленно, основательно, протрет ветошью. Знаю, поработав, не бросит в ящик, положит бережно. Это тоже черта мастерового, испытывающего без пресыщения своеобразное удовольствие от держания инструмента, от взаимной отдачи силы и надежности.

Минут через двадцать-тридцать понемногу машина прогревается, но пока металл жжет, прилипает...

В авиации есть такой документ – регламент технического обслуживания. Для специалистов он главный, своеобразная инструкция с точным языком – что, где, когда и как проверять на воздушном судне. Если выполнять безукоснительно – техник, значит, работает по правилам, безукоснительно. Об этом журналисты как раз мало и пишут. Да и, попробуй, найди классического технаря! В кино – он один, в книгах – почти нет, а сами-то авиаторы не зря подчеркивают: “Если все-все будет по правилам, машине не летать!”

Может быть, в прессе поэтому всего больше – о пилотах. О них – это да! Но будничным труд техников, состоящий в том, чтобы в любых обстоятельствах и максимально точнее исполнять свои обязанности, более, может быть, героичен, чем разовые, принудительные проявления? Техники-то сдают свой экзамен постоянно, без выходных, провозжая буквально из ладоней вертолеты...

Флегматичный Г.Милютин, подтянутый Саша Тараскин, молчун Володя Макаровский – вместе с бригадиром В.Долиным вылепливают каждый по-своему, общую стартовую площадку для благополучия работы экипажей. В это день, кстати, точно по наряду В.Коровин увел МИ-6 на буровые, по заявкам нефтеразведочной экспедиции. Когда вернулся, в бортовом журнале записал: “Замечаний нет”. Для В.Долина, бригадира, и его товарищей – это высшая градация качества работы.

А вот МИ-8 в тот же вторник пришлось снять в Ухте с наряда. Смена возилась не один час, но становилось все яснее – неисправность не в агрегатах, которые уже меняли по линии наименьшего сопротивления. Митин голосом начальника цеха позвонил прибористам, и через полчаса у вертолета остановился ЛИАЗ – передвижная лаборатория. Причину дефекта теперь искали с Г.Житкусом – нашли быстро.

Техник по авиаприборам высшего, шестого разряда, Гедминас Житкус видит аппаратуру словно голый, без крышек и корпусов, ощущает каждую их связь между блоками. Не забыл он уроки И.Рябинина, учителя ухтинской

школы № 5 и преподавателя авиационного кружка. Мне Житкус сказал: “Не я один благодарен Ивану Федоровичу уже за то, что привлюбляя к авиации, он ни разу не дал повода посчитать, что воспитывает нас. Учитель тратил свободное время на нас, был неутомим, когда касалось наших душ. Видел любой пустяк – исправлял собственным примером. Но главное – делал абсолютно все надежно, не пренебрегая мелочами. В нашей одежде, в порядке на верстаках, в подборе материалов, деталей, в обсчитывании конструкций... Мы знали и раньше о требовательности его и строгости к себе, поэтому признавали право спрашивать также и с нас.

Житкус, кроме привязанности к летательным аппаратам, взял от уроков многие качества рабочего таланта. Хотел было летать, но подвело зрение – пришлось идти в техническое училище. Иногда я ловил себя на вопросе “что, если бы он стал пилотом?” И отвечал себе: “Житкус был бы аккуратный, мужественный, умеющий летчик”.

При нем лаборатория, куда он попал по распределению, переезжала четырежды. Помню, в 1968-м году она роскошно умещалась в двух комнатухах на низшем этаже, а ныне ей тесновато по всему второму этажу перронного здания. А сколько, если пересчитать, каждое рабочее место переделывали, демонтируя и собирая стенды, установки!

Мы сидим в новенькой комнате – свежо и пока не обжито. Замечаю на столе наброски чертежа.

“Небольшая задумка?” – Житкус не любит делиться не сделанным. “А какая первая была разработка?” “Я их все помню”.

Вспомнилось, как мучились в первые годы эксплуатации МИ-6 с автоматами обогрева стекол. Я и сам бегал со стоянок в лабораторию, опасаясь за задержку вертолета – что поделаешь? Житкус смастерил пульт для полной автономной проверки и ремонта – все, проблема с противообледенительной аппаратурой исчезла. Потом появился даже универсальный стенд – и Житкуса пригласили на ВДНХ показать. Оказалось, что таких в гражданской авиации нет, а выигрыш – колоссальный.

В авиации, как и в любом производстве, есть работники с высокими разрядами, с прекрасно успешным авторитетом благополучных, но они никогда не вносили своего, собственного, организационно-технологического видения. Некоторые и поныне полагают, что сама идеология поддержания исправности самолетов и вертолетов налагает своего рода табу на творческий энтузиазм – нужно соблюдать установленную технологическую дисциплину. Расписано буквально всё и абсолютно полностью – где, что и как, и отступать от требований категорически нельзя. Посему и самопридумывать нечего! Житкус же считает, что прогресс в отрасли возможен на постоянном обогащении знаний, а это неизбежно приведет к творчеству. Продукция авиационно-технической базы предполагает высочайший спрос с каждого и со всех. Здесь не переставить просто-напросто агрегаты – прежде надо быстро и полностью удостовериться, что вышла из строя именно эта деталь и по какой причине.

Свыше полутора сотен технических новшеств – от небольших простоватых переходников до усложненных, многоприборных рабочих мест, а та передвижная лаборатория – тоже его идея – внесено с реализацией

Житкусом. Кроме этой формы инициативы осознал Гедиминас и еще одну – бригаду творческого содружества. Подобрал созвучных – В.Шкулева, скромного и улыбочивого, М.Ванеева, сдержанного, но работающего. Получили они и право выдавать проверенную аппаратуру с личным клеймом качества. То есть без предъявления ОТК. И вся бригада Г.Житкуса уж сколько времени держит качество работы на оценке не ниже 0,96. До 1,0, правда, не добрались – есть о чем соображать!

Характер у Гедиминаса не подходит ни под один общепринятый трафарет. То веселый, то взрывной уколами и придиричивостью, то удивительно ровный – короче, не сахар. Бывает, напортит кто из бригады, застопорит блок с вертолета – бригадир вспылит, кинет островатое. Подойдет, поможет. Глядишь, к середине дня лицо у него помягчело, отошел. И сам уже поглядывает на провинившегося: прав ли был, что обошелся так круто? Все знает – после хорошей работы бригадир непременно подберет...

О своих обязанностях Житкус думает таким вот образом: “Прежде всего, бригадире следует уважать товарищей. Всех до одного, без исключения. Может, кто и не нравится, как человек, но работа есть работа. Надо относиться к нему, как и ко всем. Побаиваться люди должны не меня, бригадира. Обмануть доверие, подвести, навредить всем небрежностью – вот чего опасаться надо”.

Из лаборатории, никогда не признававшейся публично равноценной с цехами в производстве, Г.Житкус оказался первым, направленным для обслуживания вертолетов на Мальдивских островах. Узнал не от одного экипажа – Гедиминас и там остался тем же. Собрал аккумуляторно-зарядную станцию, по каталогу сформировал полевую аптечку из расходных деталей и агрегатов. Что ж, мастеровитость везде заметна. Побывать там, за Индийским океаном, не удалось. Трижды подтверждаю: Гедиминас оставил за собой порядок. Для всех, кто будет и после.

Раньше, приходя в аэропорт, в свои службы, мы видели стенды передовиков. Назывались по-разному. Даже – лучшие люди. А действительно ли лучшие? Из всех нас наилучшие?

Да, на общеобозримом стенде Почета лучше всего заносить имена МАСТЕРОВ, выросших здесь, в предприятии. МАСТЕР есть накопитель профессиональных секретов, опыта многих, а это нуждается в бережливости, внимании и поддержке руководителей. Если мы теряем что-то из того, что умели при нас, то только потому, что никак почему-то не становимся хозяйственниками, что надорвали цепочку производственно-человеческого наследства и уступили сегодняшности, забывая о завтрашнем.

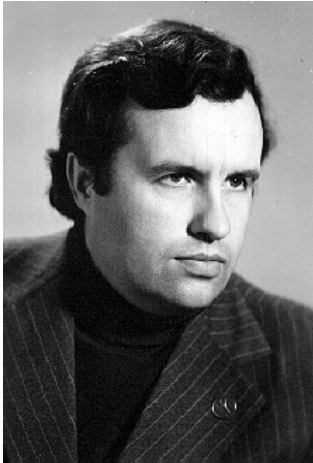
Стараюсь прийти в ДК на все вечера посвящения в специалисты. Вопросительно вглядываюсь в молодое подвижные лица и все жду, когда можно услышать: “Хочу быть мастером!”

Нам нужно много мастеров.

Дальше – еще больше.

Количество “золотых рук” – натуральнейший показатель талантности народа, его силы, самое реальное свидетельство того, что более весомо среди нас: дело или демагогия? Содействует ли сегодня практика умножению мастеров? Или рубль-доллар становится ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ? Не надо кивать на профессию, на должность. В России любая работа может зачахнуть, если ее не отразит собой МАСТЕР!

ПЕРСОНАЛИИ

ЖУКОВ ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ родился в 1944 году в Хабаровском крае в семье боевого летчика. Выпускник Харьковского авиационного института и Литературного института им. М.Горького. Его статьи, очерки, повести и рассказы публиковались в журналах “Север”, “Советский воин”, “Гражданская авиация”, “Войвыв кодзув”, российском альманахе “Ли́ра”, в коллективных сборниках Коми книжного издательства, центральных и республиканских газетах. Участник Всесоюзного совещания писателей Армии и Флота. В Ухте с 1968 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий ЖУКОВ
НОВЕЛЛЫ ОТ АВИАЦИИ
(комментарий Алексея Милькова)

	стр.
Летающий монтажник	1
Праскуня	7
Тезки	9
Точки роста	17

Время, события, люди

Валерий ЖУКОВ
МАСТЕРОВЫЕ (очерк) 22 стр.

ПЕРСОНАЛИИ 29 стр.

Иллюстрации автора

Литературно-критический журнал "Ухта литературная"

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков	тел.	1-74-91
Игорь Терновский		6-12-46
Валерий Жуков		4-52-95

Отпечатано при содействии
ЗАО "Гента-Север"
Директор Нарбеков Н.А.